Сюрприз

Автор:
Аманда Квик

Сюрприз

Аманда Квик

Шарм (АСТ)

Репутация Имоджен Уотерстоун погибла, когда ее застали в спальне лорда Вэннека – мужа ее подруги Люси. В невиновность девушки не поверил никто. Но мало этого: последовавшую за скандалом гибель Люси свет единодушно счел самоубийством, в котором тоже обвинили «распутницу» Имоджен, – и лишь она одна знает, что в действительности в смерти подруги повинен именно Вэннек.

Решительная девушка не намерена позволить убийце выйти сухим из воды. Имоджен задумывает отчаянный, рискованный план мести. План, который может стоить ей жизни, если на помощь не придет путешественник и археолог Маттиас Маршалл, граф Колчестерский, – человек, который не боится никого и ничего на свете.

Однако как Имоджен уговорить участвовать в своей опасной авантюре графа, которого в жизни, кажется, интересует лишь некая таинственная исчезнувшая цивилизация далекой древности?..

Аманда Кавик

Сюрприз

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Amanda Quick

MISCHIEF

В оформлении использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Jayne Ann Krentz, 1996

© Перевод. Э. Г. Коновалов, наследники, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

Пламя свечи едва теплилось, не в силах разогнать тьму пустынных комнат. Маттиасу Маршаллу, графу Колчестерскому, казалось, что огромный особняк вобрал в себя всю черноту ночи и походил на гробницу, где вольготно живется духам.

Полы длинного черного пальто Маттиаса задевали о забрызганные грязью ботинки, когда он поднимался по лестнице. Он приподнял свечу повыше, чтобы лучше осветить себе путь. Несколькими минутами раньше, когда он прибыл, никто не встретил и не поприветствовал его у двери, поэтому он вошел в темный пустынный зал. Было ясно, что слуг поблизости нет – ни горничной, ни лакея. О своей лошади он вынужден был позаботиться также сам, поскольку ни один конюх из конюшни не появился.

На верхней площадке лестницы граф остановился и оглянулся вниз на темноту, окутывавшую вестибюль.

Маттиас двинулся по мрачному коридору, дошел до первой двери слева, остановился перед ней и повернул ручку. Раздался жалобный скрип, и дверь открылась. Маттиас поднял свечу над головой и оглядел спальню.

Комната удивительно напоминала склеп.

В центре ее находился древний каменный саркофаг. Маттиас бросил взгляд на резной орнамент и надписи на саркофаге. Латинские, подумал он. Весьма ординарные.

Он подошел к открытому гробу, установленному за прозрачной черной портьерой. При свете свечи можно было рассмотреть черные бархатные подушечки, выстилавшие изнутри саркофаг.

Маттиас поставил свечу на стол, стянул с себя перчатки для верховой езды, бросил их в сторону, затем сел на край гроба и снял ботинки.

После этого, запахнув полы своего пальто, улегся на черные подушечки внутри саркофага.

Близился рассвет, но Маттиас знал, что тяжелые шторы на окнах не позволят лучам восходящего солнца заглянуть в комнату.

Кто-нибудь другой, возможно, испытал бы дискомфорт и не смог заснуть в столь мрачном месте, но только не Маттиас. Он привык к обществу духов.

Перед тем как закрыть глаза, Маттиас снова задал себе вопрос, почему он откликнулся на зов, исходящий от таинственной Имоджен Уотерстоун. Но он знал ответ на этот вопрос. Давным-давно он дал клятву. Его слово было для него законом.

Маттиас всегда выполнял обещания. Лишь это и поддерживало в нем уверенность в том, что он сам не превратится в дух.

Глава 1

Маттиаса разбудил леденящий душу женский крик.

Второй женский голос, сочный, словно зеленое яблоко древнего Замара, прервал этот крик ужаса.

– Господи, Бесс, – увещевал этот голос, – ну можно ли так визжать при виде какой-то паутины? Это страшно раздражает. У меня большие планы на сегодняшнее утро, но я не смогу их выполнить, если ты будешь вопить по всякому поводу.

Маттиас открыл глаза, потянулся и медленно сел в саркофаге. Он повернул голову в сторону открытой двери и увидел лежащую в обмороке молодую горничную. Солнечный свет позади нее позволил Маттиасу заключить, что время близится к полудню. Он провел пальцами по волосам и пощупал щетину на подбородке. Неудивительно, что он так напугал горничную.

– Бесс! – Снова звук хрустящего яблока в голосе. Легкие шаги в коридоре. – Бесс, что там стряслось с тобой?

Опершись одной рукой о край каменного гроба, Маттиас с интересом смотрел на появившуюся в дверном проеме женщину, которая его не замечала – ее внимание было обращено на упавшую в обморок горничную.

Нельзя было усомниться в том, что вторая женщина была леди. Длинный фартук поверх платья из прочного серого бомбазина не мог замаскировать элегантность ее фигуры и изящную округлость грудей. Разворот ее плеч, вся ее осанка свидетельствовали о том, что от предков многих поколений ей передалось самоуважение и чувство гордости.

Маттиас все с большим интересом наблюдал за леди, хлопотавшей возле горничной. Его взгляд строго и последовательно изучал все части и формы ее тела, как если бы Маттиас составлял описание новонайденной замарской статуи.

Очевидно, за утренним туалетом леди весьма добросовестно попыталась упрятать пышную массу каштановых с рыжеватым отливом волос под маленькую

белоснежную шапочку. Однако некоторым завиткам удалось избежать заточения, и они покачивались возле тонкого миловидного лица. Хотя Маттиас не мог видеть лицо анфас, он отметил высокие скулы, длинные ресницы и прямой, придававший хозяйке некоторую надменность нос.

Интересное, выразительное лицо, заключил он. И оно явно отражало благородство души.

Ее нельзя было назвать слишком юной и отнести к числу тех, кто только что окончил школу; с другой стороны, она не была столь древней, как он сам. Вообще-то ему было тридцать четыре года, но он испытывал такое чувство, что ему несколько столетий. Маттиас прикинул, что Имоджен должно быть лет двадцать пять.

Он видел, как она уронила на ковер журнал в кожаном переплете и опустилась на колени перед горничной. Обручального кольца у нее на руке не было. Этот факт почему-то его порадовал. Он подумал, что ее громкий голос и властные манеры сыграли свою роль в том, что она осталась старой девой.

Конечно, это дело вкуса. Большинство приятелей Маттиаса отдают предпочтение меду и шоколаду. Он же предпочитал на закуску нечто более пряное.

– Бесс, довольно!.. Открывай глаза сейчас же! Ты слышишь меня? – Имоджен извлекла флакон с нюхательной солью и сунула его под нос горничной. – Мне страшно надоели твои визги и обмороки всякий раз, как только ты открываешь двери в этом доме! Я предупреждала тебя, что мой дядя был человек необычный и что мы наверняка будем натыкаться на весьма непривычные предметы, когда станем проводить инвентаризацию.

Бесс застонала и, лежа на ковре, повернула голову. Однако глаза она так и не открыла.

– Я видела это, мэм… Я могу поклясться на могиле матери…

– Что ты видела, Бесс?

– Привидение… А может, это вампир… Точно не знаю.

– Глупости! – возразила Имоджен.

– Что за причина такого душераздирающего крика? – послышался с верхней площадки лестницы голос еще одной женщины.

– Бесс упала в обморок, тетя Горация. Честное слово, это уж слишком!

– Бесс? На нее не похоже. – Маттиас услышал шаги, предвещающие появление женщины, которую Имоджен назвала тетей Горацией. – Бесс уравновешенная девушка… И нисколько не склонна падать в обмороки.

– Если она не упала в обморок, то в таком случае великолепно изображает из себя леди, у которой нервный припадок.

Ресницы Бесс вздрогнули.

– Ой, мисс Имоджен, это был какой-то кошмар… Тело в каменном гробу… И вдруг оно зашевелилось.

– Не смеши меня, Бесс!

– Но я видела его! – Бесс снова застонала, подняла голову и направила взгляд мимо Имоджен в сторону затененной части спальни.

Маттиас поморщился, когда горничная встретилась с его взглядом, вновь закричала и снова откинулась на ковер с грацией выброшенной на берег рыбы.

В проеме двери появилась третья женщина. Она была одета по-рабочему, как и Имоджен: простое платье, фартук и шапочка. Она была на дюйм-другой ниже Имоджен и значительно шире в талии и бедрах. Седеющие волосы ее были заколоты и прикрыты шапочкой. Она внимательно посмотрела через очки на Бесс.

– Что за дьявольщина? Что могло так подействовать на Бесс?

– Не имею понятия, – ответила Имоджен, снова поднося нюхательную соль к носу горничной. – У нее слишком живое воображение.

– Я предупреждала тебя, что опасно обучать ее чтению.

– Я это помню, тетя Горация, но я не могу выносить, когда человек со светлой головой совершенно необразован.

– Ты в точности как твои родители. – Горация покачала головой. – От нее мало будет проку, если она станет вздрагивать, увидев какую-то необычную вещь в этом доме. В коллекции моего брата много разных диковин, при виде которых можно упасть в обморок.

– Чепуха! Я признаю, что коллекция дяди Селвина мрачновата, но по-своему весьма интересна.

– Этот дом – своего рода мавзолей, и ты это хорошо знаешь, – сказала Горация. – Возможно, Бесс следует отправить опять вниз. Это была спальня Селвина. Ее, наверно, напугал вид саркофага… Почему мой брат любил спать в этом древнеримском гробу – выше моего понимания.

– Очень необычная кровать.

– Необычная? Да у любого нормального человека от этого начнутся кошмары! – Горация повернулась, чтобы бросить взгляд на темную половину спальни.

Маттиас решил, что пришло время подняться из гроба. Он перешагнул через край саркофага, раздвинул тонкую черную драпировку и запахнул пальто, чтобы скрыть мятые брюки и рубашку, в которых спал. Маттиас обреченно наблюдал за тем, как испуганные глаза Горации расширились до невероятных размеров.

– Боже милостивый, Бесс была права! – на высокой ноте произнесла Горация. – И в самом деле в гробу Селвина кто-то есть! – Она попятилась. – Беги, Имоджен, беги!

Имоджен резко поднялась на ноги.

– Неужто еще и ты, тетя Горация! – Она повернулась и стала вглядываться в затемненную половину спальни. Когда она увидела стоящего перед гробом Маттиаса, ее рот открылся сам собой.

– Боже мой! Там кто-то есть.

– Я вам говорила, мэм, – хриплым шепотом сказала Бесс.

Маттиас с любопытством ожидал, что сделает Имоджен – закричит или упадет в обморок.

Она не сделала ни то ни другое. С явным неодобрением она прищурила глаза.

– Кто вы такой, сэр, и почему вы вздумали пугать мою тетушку и горничную?

– Вампир, – пробормотала Бесс. – Я слышала о них, мэм. Они пьют кровь, бегите… Бегите, пока не поздно… Спасайтесь…

– Вампиров не существует, – заявила Имоджен, не удостаивая перепуганную девушку даже взглядом.

– Тогда привидение… Спасайтесь, мэм.

– Она права. – Горация потянула Имоджен за рукав. – Нам нужно уходить отсюда.

– Не будьте смешной. – Имоджен подошла поближе и уставилась на Маттиаса: – Так что же, сэр? Что вы можете сказать? Не молчите, иначе я позову местного магистрата, и он закует вас в кандалы.

Маттиас медленным шагом направился к ней, не сводя взгляда с ее лица. Она не отступила. Более того, она подбоченилась и стала стучать носком полуботинка об пол.

Он пережил непонятное, но в то же время явное и волнующее чувство узнавания. Невероятно. Но когда он подошел к ней настолько близко, чтобы рассмотреть огромные, удивительно ясные голубовато-зеленые глаза – глаза

цвета моря, окружавшего затерянный остров королевства Замар, он внезапно понял. По какой-то непонятной, необъяснимой причине она заставила его вспомнить Анизамару, легендарную замарскую богиню Дня, которая занимала ведущее место в фольклоре и искусстве древнего Замара. Она воплощала в себе тепло, жизнь, истину, энергию. По силе и мощи ей был равен лишь Замарис – бог Ночи. Только Замарис мог укротить ее беспокойный дух.

– Добрый день, мадам. – Маттиас заставил себя отбросить несвоевременные мысли. Он наклонил голову: – Я Колчестер.

– Колчестер? – Горация сделала еще шаг назад и прислонилась к стене. Она перевела взгляд на его волосы, сглотнула комок в горле. – Тот самый? Безжалостный Колчестер?

Маттиас знал, что она смотрит на снежно-белую прядь, которая резко контрастировала с его черной шевелюрой. Многие люди именно по ней узнавали его. Уже в течение четырех поколений белая прядь была отличительным признаком всех представителей его рода.

– Я сказал, что я Колчестер, мадам.

Он был еще виконтом, когда получил прозвище Безжалостный.

– Что вы делаете в Аппер-Стиклфорде, сэр? – сурово спросила Горация.

– Он здесь, потому что я послала за ним. – Имоджен одарила его ослепительной улыбкой. – Должна сказать, вам уж давно пора было приехать, милорд. Я отправила послание более месяца назад. Что вас так задержало?

– Мой отец умер несколько месяцев назад, но я с опозданием приехал в Англию, а потом вынужден был решить ряд вопросов, связанных с его имением.

– Да, конечно. – Имоджен была явно смущена. – Простите меня, милорд. Приношу вам свои соболезнования…

– Благодарю вас, – сказал Маттиас. – Но мы не были с ним особенно близки… В доме найдется что-нибудь поесть? Я умираю от голода.

Серебристая прядь среди черных как ночь волос – это было первое, что Имоджен заметила в графе Колчестере. Казалось, прядь горела холодным белым пламенем на фоне длинной, вышедшей из моды черной гривы.

Затем она обратила внимание на его взгляд. Он казался еще холоднее.

Четвертый граф Колчестер производит сильное впечатление, подумала она, приглашая его сесть в кресло в библиотеке. Он был бы просто неотразим, если бы не эти глаза. Они светились на суровом, аскетичном лице бесстрастным, безжизненным светом и, казалось, принадлежали умному и весьма опасному духу.

Во всех остальных отношениях Колчестер выглядел точно так, как Имоджен и представляла себе. Его блестящие статьи в «Замариан ревю» вполне отразили и его интеллект, и характер, сформировавшийся за годы нелегких путешествий в неведомые страны.

Человек, который способен спокойно переспать в саркофаге, должен обладать поистине железными нервами. Что как раз и требуется, с энтузиазмом отметила про себя Имоджен.

– Позвольте, милорд, все же представиться как подобает и представить вам мою тетю. – Она взяла чайник, собираясь разлить чай. Возбужденная присутствием Колчестера, она с трудом сдерживала эмоции. Ей вдруг захотелось рассказать правду, раскрыть свое инкогнито. Но осторожность взяла верх. Она не могла с уверенностью сказать, какова будет его реакция, а ведь в настоящий момент ей было очень важно, чтобы он согласился с ней сотрудничать.

– Как вы уже, по всей видимости, поняли, я Имоджен Уотерстоун. Это миссис Горация Элибанк, сестра моего покойного дяди. Она недавно овдовела и любезно согласилась стать моим компаньоном.

– Миссис Элибанк, – кивнул Маттиас.

– Ваша светлость. – Горация, напряженно сидя на краешке стула, метнула смущенный, неодобрительный взгляд на Имоджен.

Имоджен нахмурилась. Теперь, когда первоначальный испуг и формальности представления были позади, у Горации не было никаких оснований оставаться столь напряженной и встревоженной. В конце концов, Колчестер – граф. Еще более важно, по крайней мере для Имоджен, что это был Колчестер Замарский – прославленный первооткрыватель древнего, давным-давно забытого островного королевства, основатель Замарского института и престижного журнала «Замариан ревю», попечитель Замарского общества. Даже в соответствии с весьма высокими стандартами Горации он заслуживает неординарного приема.

Если говорить об Имоджен, то самое большее, на что она была сейчас способна, это не пялить на него глаза. Она все еще не могла до конца поверить, что Колчестер Замарский сидит в ее библиотеке и пьет чай, словно простой смертный.

«Но в нем не так уж много от простого смертного», – подумала она.

Высокий, поджарый и отлично сложенный, Колчестер отличался мускулистой, мужской грацией. Годы, проведенные в нелегких путешествиях и поисках Замара, без всякого сомнения, сделали свое дело и помогли сформироваться этой вызывающей восхищение фигуре.

Она решилась напомнить себе, что подобными мышцами и силой отличается не один Колчестер. Она видела многих мускулистых мужчин. В конце концов, она жила в деревне. Большинство из ее соседей были фермеры, которые трудились на своих полях; у многих из них были широкие плечи и крепкие ноги. Она знает примеры мужской красоты. Взять, например, Филиппа Д’Артуа, ее учителя танцев. Филипп грацией напоминал летящую птицу. Или, например, Аластера Дрейка. Атлетически сложенный красавец, которому не требовались ухищрения портного, чтобы люди могли оценить красоту его телосложения.

Но Колчестер отличался от этих мужчин как ночь ото дня. Впечатление исходившей от него силы создавали отнюдь не его могучие плечи и бедра. Это была некая внутренняя сила, сродни несгибаемой стали. Сила воли, которую, казалось, можно было даже пощупать.

И еще в нем ощущалась необыкновенная цепкость, которую, пожалуй, можно было сравнить с цепкостью хищника, выжидающего свою жертву. Имоджен подумала, как же долго он ждал своего звездного часа, когда наконец-то

раскрыл тайну лабиринта города Замара и отыскал погребенную под руинами библиотеку. Она была бы готова продать собственную душу, чтобы оказаться рядом с ним в тот памятный день.

Колчестер повернул в ее сторону голову и бросил испытующий и одновременно слегка удивленный взгляд. Создалось впечатление, что он прочитал ее мысли. Имоджен почувствовала, что ее накрыла волна тепла, отчего стало как-то не по себе. Чайная чашка, которую она придерживала рукой, зазвенела о блюдце.

В библиотеке было темно и прохладно, и Колчестер предусмотрительно затопил камин. В комнате, загроможденной разнообразными, порой причудливыми предметами, относящимися к обряду погребения, скоро должно потеплеть.

Когда Бесс уверили, что Колчестер никакой не вампир и не дух, и девушка окончательно пришла в себя, она отправилась на кухню приготовить чай и холодную закуску. Завтрак состоял из остатков кулебяки с семгой, пудинга и кусочка ветчины, но Колчестер, похоже, был этим вполне удовлетворен.

Имоджен оставалось лишь надеяться, что он будет удовлетворен. Еду привезли для женщин, занятых составлением каталога коллекции Селвина Уотерстоуна, рано утром в плетеной корзине. При виде того, как Колчестер отдает должное еде, Имоджен усомнилась в том, что Горации, Бесс и ей что-либо достанется.

– Я весьма рад с вами познакомиться, – сказал Маттиас.

Имоджен внезапно осознала, что звук его голоса оказывает на нее какой-то странный эффект. В нем ощущалась непонятная, неуловимая сила, которая грозила подчинить ее. Она невольно подумала о таинственных морях и неведомых землях.

– Еще чаю, милорд? – быстро спросила она.

– Благодарю вас. – Его длинные, красивые пальцы коснулись ее пальцев, когда он принимал чашку.

Удивительное ощущение испытала Имоджен, когда Колчестер коснулся ее. Оно распространилось по всей руке. Ее коже стало тепло, словно она оказалась

слишком близко к огню. Имоджен поспешно опустила чайник, опасаясь уронить его.

– Весьма сожалею, что вас никто не встретил, когда вы прибыли вчера вечером, сэр, – сказала она. – Я отправила слуг по домам на несколько дней, пока мы с тетей проводим инвентаризацию. – Она внезапно нахмурилась, словно ей в голову пришла неожиданная мысль. – Я абсолютно уверена в том, что приглашала вас в коттедж Уотерстоуна, а не в поместье.

– Да, наверно, это так, – спокойно согласился Маттиас. – Но в вашем письме было так много инструкций, что кое-что я мог перепутать.

Горация метнула взгляд на Имоджен:

– Письмо? Какое письмо? Честное слово, Имоджен, я ничего не понимаю.

– Я все объясню, – заверила Имоджен свою тетушку. Она настороженно посмотрела на Маттиаса. В его глазах явно читалась ирония. Это задело ее за живое. – Милорд, я не нахожу ничего смешного в тексте письма.

– И я не нашел ничего смешного вчера вечером, – заметил Маттиас. – Время было позднее. Шел дождь. Лошадь моя была измотана. Поэтому я не счел нужным тратить время на розыски маленького коттеджа, когда в моем распоряжении находился весь этот огромный дом.

– Понятно. – Имоджен вежливо улыбнулась. – Должна сказать, что выглядите вы вполне спокойным и невозмутимым, хотя и проспали всю ночь в саркофаге. Мы с тетей всегда говорили, что представление дяди Селвина о том, какой должна быть кровать, не всем по вкусу.

– Мне приходилось спать в местах и похуже. – Маттиас взял последний ломтик ветчины и оглядел комнату. – Я слышал настоящие легенды о коллекции Селвина Уотерстоуна. На самом деле здесь, пожалуй, увидишь даже больше неожиданного, чем говорят.

Горация встревоженно взглянула на Маттиаса поверх очков:

– Я надеюсь, вы в курсе дела, что мой брат интересовался искусством и артефактами, связанными с обрядом погребения, сэр.

Глаза Маттиаса задержались на футляре для мумии в углу комнаты.

– Да.

– Теперь все это мое, – гордо заявила Имоджен. – Дядя Селвин оставил мне всю свою коллекцию вместе с домом.

Маттиас задумчиво посмотрел на нее:

– Вас интересует искусство погребения?

– Лишь то, что имеет отношение к Замару, – ответила Имоджен. – Дядя Селвин говорил, что у него есть несколько замарских вещей, и я надеюсь, что мы их разыщем. Но на это понадобится время. – Она жестом показала на груды антикварных вещей и похоронных принадлежностей в библиотеке. – Как вы можете убедиться, дядя не питал особой любви к порядку. Он так и не удосужился составить каталог своей коллекции. В этом доме могут быть обнаружены удивительные раритеты.

– Да, предстоит большая работа, – заметил Маттиас.

– Именно. Как я уже сказала, я намерена сохранить предметы, которые имеют отношение к Замарской цивилизации. Все остальное я передам либо коллекционерам, либо музею.

– Понятно. – Маттиас сделал глоток чая, продолжая разглядывать библиотеку.

Имоджен проследила за его взглядом. Трудно было отрицать тот факт, что ее эксцентричный дядя имел весьма странное пристрастие ко всему, что относится к смерти.

Древние мечи и военные доспехи, найденные в местах захоронений римлян и этрусков, лежали в беспорядке там и сям. Мебель была украшена изображениями сфинксов, химер и крокодилов – эти мотивы часто повторяются

на египетских гробницах. Фрагменты бутылок из матового стекла, обнаруженные в могильниках, располагались на полках буфетов. Со стен смотрели посмертные маски.

Книжные шкафы были забиты сотнями потрепанных томов, в которых описывались ритуалы погребения и искусство бальзамирования. В конце комнаты штабелями были сложены огромные корзины. Имоджен их пока еще не открывала и не имела понятия об их содержимом.

Не легче была ситуация и в комнатах наверху – все они были набиты предметами из древних гробниц, которые Селвин Уотерстоун собирал всю жизнь.

Закончив беглый осмотр библиотеки, Маттиас обернулся к Имоджен:

– Что вы намерены делать с древностями Уотерстоуна – это меня не касается. Но вернемся к вашему делу. Не могли бы вы мне объяснить, для чего послали за мной?

Горация еле слышно ахнула и повернулась к Имоджен:

– Я просто не могу поверить, что ты это сделала. Какого дьявола ты не сказала мне об этом?

Имоджен умиротворяюще улыбнулась:

– Дело в том, что я послала за его светлостью за несколько дней до твоего приезда в Аппер-Стиклфорд. Я не была уверена в том, что граф соблаговолит появиться, поэтому не видела причины упоминать об этом.

– Очень глупо, – отрезала Горация. Первоначальный шок у нее прошел, и она обретала свойственную ей решительность. – Ты хоть понимаешь, Имоджен, кто это?

– Конечно же, понимаю. – Она понизила голос и уважительным шепотом произнесла: – Это Колчестер Замарский.

Маттиас приподнял брови, но комментировать не стал.

– Как вы правильно заметили, милорд, – продолжала Имоджен, – время обратиться к сути дела. Вы были добрым другом дяди Селвина, насколько я понимаю.

– Разве? – удивился Маттиас. – Для меня это новость. Я не подозревал о том, что у Селвина Уотерстоуна были друзья.

Имоджен почувствовала беспокойство.

– Но мне сказали, что вы задолжали ему некую весьма значительную услугу. Он уверял, что вы поклялись отдать долг, если появится необходимость.

Маттиас некоторое время молча изучал Имоджен, затем сказал:

– Верно.

Имоджен облегченно вздохнула.

– Отлично. А то я вдруг подумала, что совершила ужасную ошибку.

– Вы часто допускаете подобные ошибки, мисс Уотерстоун? – мягко спросил Маттиас.

– Почти никогда, – уверила она его. – Дело в том, что мои родители высоко ценили роль образования. Меня чуть ли не с колыбели наряду с другими дисциплинами обучали логике и философии. Мой отец постоянно говорил, что тот, кто ясно мыслит, редко допускает ошибки.

– В самом деле, – пробормотал Маттиас. – Но если вернуться к вашему дяде… Верно, я считал, что нахожусь у него в долгу.

– Это связано с каким-нибудь древним текстом?

– Несколько лет назад во время своих путешествий он натолкнулся на старинную греческую рукопись, – сказал Маттиас. – В ней были косвенные намеки на некое затерянное островное королевство. Эти намеки вкупе с другими указаниями, обнаруженными мной, помогли мне определить местоположение Замара.

– То же самое мне рассказывал и дядя Селвин.

– Весьма сожалею, что он умер раньше, чем я успел расплатиться с ним, – сказал Маттиас.

– Не огорчайтесь, сэр, – улыбнулась Имоджен. – Вам представляется возможность выполнить свое обещание.

Маттиас посмотрел на нее. Лицо его было непроницаемо.

– Боюсь, я не вполне понимаю вас, мисс Уотерстоун. Ведь вы только что сказали мне, что ваш дядя умер.

– Так оно и есть. Но помимо коллекции мой дядя оставил мне в наследство и ваше обещание оказать ему услугу.

Воцарилась томительная тишина. Горация уставилась на Имоджен так, словно перед ней сидела сумасшедшая.

Маттиас смотрел на Имоджен каким-то загадочным взглядом.

– Прошу прощения, мисс?

Имоджен откашлялась:

– Дядя Селвин завещал мне получить от вас долг. Это четко отражено в его последней воле.

– Разве?

«Дело идет не столь гладко, как я рассчитывала», – подумала Имоджен. Она взяла себя в руки.

– Я хочу воспользоваться этим вашим обещанием.

– О Боже! – прошептала Горация.

– Интересно, каким образом намерены вы получить долг, который я обязан был вернуть вашему дяде, мисс Уотерстоун? – спросил наконец Маттиас.

– Здесь, конечно, есть некоторые сложности, – сказала Имоджен.

– Это меня не удивляет.

Имоджен предпочла пропустить мимо ушей ироничную реплику и спросила:

– Вы знакомы с лордом Вэннеком, сэр?

Маттиас заколебался. В его взгляде на мгновение появилось холодное презрение.

– Он собирает замарские древности.

– Он был также мужем моей доброй подруги Люси Хэконби.

– Леди Вэннек, насколько я знаю, несколько лет назад умерла.

– Да, милорд. Три года тому назад, если быть точными. И я убеждена, что она была убита.

– Убита? – Впервые за все время в голосе Маттиаса можно было уловить некоторое удивление.

– Имоджен, я надеюсь, что ты не станешь… – Горация оборвала свою фразу и в смятении закрыла глаза.

– Я полагаю, что Люси убил ее муж, лорд Вэннек, – без обиняков сказала Имоджен. – Но это не докажешь… С вашей помощью, сэр, я и хочу добиться, чтобы восторжествовала справедливость.

Маттиас не проронил ни слова. Он продолжал смотреть ей в глаза.

Горация овладела собой:

– Милорд, я надеюсь, вы отговорите ее от этого безумного шага.

Имоджен напустилась на Горацию:

– Я не вправе тянуть с этим! Одна знакомая написала мне, что Вэннек снова собирается жениться. По всей видимости, он понес серьезные финансовые потери.

Маттиас пожал плечами:

– Это вполне похоже на правду. Несколько месяцев назад Вэннек вынужден был продать большой дом в городе и переехать в более скромные апартаменты. Но пока что ему удается соблюдать видимость благополучия.

– Я подозреваю, что сейчас он рыскает по балам и гостиным в Лондоне в поисках состоятельной юной наследницы, – сказала Имоджен. – Он вполне может убить и ее, если завладеет ее имуществом.

– Имоджен, право же, – слабо запротестовала Горация. – Как ты можешь выдвигать такие обвинения? У тебя нет абсолютно никаких доказательств.

– Я знаю, что Люси боялась Вэннека, – упорствовала Имоджен. – И я знаю, что Вэннек нередко бывал жесток с ней. Когда я навещала Люси в Лондоне незадолго до ее смерти, она призналась, что боится его, что когда-нибудь он убьет ее. Она говорила, что он до безумия ревнив.

Маттиас поставил на стол чашку, положил локти на подлокотники и сжал опущенные между коленей руки. С внезапным интересом он взглянул на Имоджен:

– И как вы рассчитываете осуществить свой замысел, мисс Уотерстоун?

На лице Горации отразился ужас.

– Боже милостивый, вы не должны подталкивать ее к этому, милорд!

– Мне просто любопытно, – сухо сказал Маттиас. – Я бы хотел узнать подробности этого плана.

– Тогда все пропало, – пробормотала Горация. – Имоджен обладает способностью вовлекать людей в свои планы.

– Уверяю вас, меня не столь легко втянуть во что-либо, если мне это не по душе, – заверил ее Маттиас.

– Молю Бога, чтобы вы вспомнили эти ваши слова чуть позже, сэр, – негромко сказала Горация.

– Моя тетя иногда склонна к преувеличениям, – заметила Имоджен. – Не надо беспокоиться. План я продумала очень тщательно. Я знаю, что делаю… В настоящее время, как вы уже сказали, лорд Вэннек – заядлый коллекционер всего, что касается Замара.

– И что из этого следует? – Маттиас иронично скривил рот. – Вэннек может считать себя экспертом, но на деле он не в состоянии отличить подлинную замарскую вещь от ляжки лошади. Даже И. А. Стоун демонстрирует гораздо большую эрудицию.

Горация с шумом поставила чашку на стол. Она перевела взгляд с Маттиаса на Имоджен и снова на Маттиаса.

Имоджен сделала глубокий вдох и сдержанно проговорила:

– Я знаю, вы часто оспаривали выводы И. А. Стоуна на страницах «Замариан ревю».

На лице Маттиаса отразилось легкое удивление.

– Вы в курсе наших небольших склок?

– О да! Я уже несколько лет подписываюсь на этот журнал. Считаю ваши статьи весьма содержательными, милорд.

– Благодарю вас.

– Но я также думаю, что заметки И. А. Стоуна будят мысль, – добавила Имоджен, как она полагала, с мягкой улыбкой.

Горация предупреждающе нахмурилась:

– Имоджен, мы, кажется, уклоняемся от предмета нашего разговора. Не скажу, что я слишком желаю к нему возвращаться, однако…

– И. А. Стоун никогда не был в Замаре, – процедил сквозь зубы Маттиас. Впервые за все утро в его холодных глазах отразились человеческие эмоции. – Его знания получены не из первых рук, однако он считает себя вправе делать весьма решительные выводы на основе моих работ.

– И работ мистера Ратледжа, – поспешила уточнить Имоджен.

Глаза Маттиаса снова стали холодными.

– Ратледж умер четыре года назад во время поездки в Замар. Это всем известно. К сожалению, его труды уже устарели. И. А. Стоуну следовало бы это знать и не ссылаться на них в своих исследованиях.

– У меня сложилось впечатление, что работы И. А. Стоуна хорошо восприняты членами Замарского общества, – бросила пробный камень Имоджен.

– Я готов допустить, что Стоун располагает кое-какими поверхностными знаниями о Замаре, – с элегантным высокомерием признал Маттиас. – Но он черпает их из работ более информированного эксперта.

– Такого, как вы, милорд? – вежливо осведомилась Имоджен.

– Именно. Очевидно, Стоун внимательно проработал все, что написано о Замаре. И к тому же он отличается невероятной склонностью не соглашаться со мной по некоторым пунктам.

Горация тихонько кашлянула:

– Так что же, Имоджен?

Имоджен преодолела искушение продолжать спор. Горация была права. Сейчас их интересовало другое.

– Да, вернемся к Вэннеку. При всей его интеллектуальной ограниченности следует признать, что он известен как страстный собиратель замарских артефактов.

Кажется, Маттиас предпочел бы сейчас продолжить жаркую дискуссию об отсутствии опыта у И. А. Стоуна. Однако все-таки заставил себя вернуться к разговору о Вэннеке.

– Послушать его, так все, о чем бы ни шла речь, – из древнего Замара.

Имоджен сурово заметила:

– Буду откровенной, сэр. Ходят слухи, что вы точно такой же. Разница лишь в том, что вы непререкаемый авторитет по вопросам Замара. Я уверена, что при коллекционировании вами руководят тонкий вкус и осмотрительность.

– Я держу у себя лишь самые красивые, самые редкие и наиболее интересные замарские артефакты. – Маттиас не мигая смотрел на Имоджен. – Другими словами, лишь те, которые я сам откопал. И что из того?

Имоджен с удивлением ощутила пробежавший по спине холодок. Не так-то много на свете вещей, которые способны были вывести ее из равновесия, но что-то в голосе Маттиаса действовало на нее именно так.

– Как я уже говорила, я не располагаю доказательствами, чтобы обвинить Вэннека в убийстве. Но я слишком многим обязана Люси, чтобы позволить ее убийце безнаказанно ходить по земле. Целых три года я пыталась придумать план, чтобы отомстить, но лишь после смерти дяди Селвина наконец представилась такая возможность.

– Что конкретно вы намереваетесь сделать с Вэннеком?

– Я хочу разрушить его репутацию порядочного человека в глазах света. И после этого Вэннек не сможет охотиться за невинными девушками вроде Люси.

– Вы серьезно намерены сделать это?

– Да, милорд. – Имоджен вскинула подбородок и не мигая выдержала взгляд Колчестера. – Я предельно серьезна. Я намерена поставить ловушку Вэннеку, что приведет его и к финансовому краху, и к потере положения.

– Для ловушки требуется приманка, – негромко заметил Маттиас.

– Вы совершенно правы, милорд. В качестве приманки я хочу использовать Великую печать королевы Замара.

Глаза Маттиаса округлились.

– Вы хотите сказать, что владеете печатью королевы?

Имоджен посерьезнела:

– Конечно, нет. Вы лучше кого бы то ни было знаете, что печать эта не была найдена. Но незадолго до своей смерти Ратледж направил письмо в «Замариан ревю», в котором информировал редакцию, что он занят поисками Великой печати. По слухам, он умер в подземном лабиринте во время ее поисков, потому что на него пало проклятие.

– Что, конечно, полная чушь. – Маттиас элегантно приподнял одно плечо. – О проклятии говорят только потому, что печать, как предполагают, чрезвычайно ценная. Все особенно дорогие предметы всегда окружены легендами.

– Согласно вашим исследованиям, Великая печать королевы изготовлена из чистого золота и инкрустирована бриллиантами, – напомнила Имоджен. – Вы ведь видели ее описание.

Скулы Маттиаса напряглись.

– Подлинная ценность печати определяется тем, что она изготовлена замечательными мастерами исчезнувшего народа. Если печать существует, то она бесценна – и вовсе не потому, что сделана из драгоценных камней и золота, а потому, что может рассказать нам о древнем Замаре.

Имоджен улыбнулась:

– Мне понятны ваши чувства, сэр. Я и не ожидала услышать от вас что-либо другое. Но смею вас уверить, что такого подленького по натуре человека, как Вэннек, привлекает исключительно материальная сторона. В особенности при его нынешних стесненных обстоятельствах.

Маттиас улыбнулся недоброй улыбкой:

– В этом вы, без сомнений, совершенно правы. И как это увязывается с вашим планом?

– Мой план чрезвычайно прост. Я отправлюсь с тетей Горацией в Лондон и проникну в круги, в которых вращается Вэннек. Благодаря дяде Селвину у меня есть для этого деньги. А благодаря тете Горации у меня есть и необходимые связи.

Горация заерзала на стуле и пояснила извиняющимся тоном Маттиасу:

– Я в дальнем родстве с маркизом Бланчфордом по материнской линии.

Маттиас нахмурился:

– Кажется, Бланчфорд путешествует сейчас за границей?

– Да, – подтвердила Горация. – Это его обычное занятие. Не секрет, что он не любит бывать в обществе.

– Мы с ним схожи в этом отношении, – сказал Маттиас.

Имоджен проигнорировала слова обоих.

– Бланчфорд редко появляется в обществе, но это нисколько не помешает появиться там тете Горации и мне.

– Другими словами, – уточнил Маттиас, – вы собираетесь воспользоваться связями тети, чтобы воплотить в жизнь ваш безумный план.

Горация закатила глаза к потолку и неодобрительно хмыкнула.

Имоджен бросила сердитый взгляд на Маттиаса:

– Это вовсе не безумный план. Он очень даже умный. Я разрабатывала его не одну неделю… Словом, я намекну о печати королевы.

Маттиас поднял брови:

– Каким образом?

– Я скажу, что, делая инвентаризацию коллекции дяди, натолкнулась на карту, в которой есть ключ к местонахождению печати.

– Черт побери, – пробормотал Маттиас. – Вы хотите убедить, что эта несуществующая карта выведет его к бесценному артефакту?

– Именно.

– Просто не верю своим ушам. – Маттиас перевел взгляд на Горацию, как бы обращаясь к ней за поддержкой.

– Я ведь пыталась вас предупредить, милорд, – пробормотала Горация.

Имоджен энергично наклонилась вперед:

– Я намерена убедить Вэннека, что покажу эту карту тому, кто поможет финансировать экспедицию за печатью.

Маттиас вопросительно посмотрел на нее:

– И что это, по-вашему, даст?

– Разве не ясно? Вэннек не сможет устоять перед соблазном отправиться за печатью. Но поскольку в финансовом отношении он переживает не лучшие времена и пока еще не нашел себе богатую наследницу, он не в состоянии финансировать экспедицию самостоятельно. Я подтолкну его к идее образования консорциума инвесторов.

Маттиас не отрывая взгляда смотрел на Имоджен.

– Позвольте мне высказать догадку: вы намерены вынудить Вэннека обратиться за финансовой поддержкой, а затем отсечь ее?

– Я знала, что вы поймете. – Имоджен была искренне рада, что до Маттиаса наконец-то начинает доходить гениальность ее плана. – Именно так. Не составит труда убедить Вэннека создать консорциум для финансирования экспедиции.

– А когда он потратит деньги консорциума на то, чтобы зафрахтовать судно, набрать команду и закупить дорогостоящее оборудование, необходимое для экспедиции, вы снабдите его вымышленной картой…

– …и он отправится в дурацкое путешествие, – заключила Имоджен, не скрывая удовлетворения. – Вэннек никогда не найдет Великую печать королевы. Экспедиция провалится, члены консорциума будут в ярости. Пойдут слухи, что это был грандиозный обман, направленный против невинных инвесторов… Мыльный пузырь, дутое предприятие… Вэннек не решится возвратиться в Лондон. Его кредиторы будут охотиться за ним многие годы. А если он и отважится когда-нибудь вернуться, то уже никогда не сможет занять прежнее место в обществе. И шансы поправить свое состояние с помощью женитьбы для него будут равны нулю.

Похоже, откровения Имоджен произвели на Маттиаса впечатление.

– Даже не знаю, что вам сказать, мисс Уотерстоун… Просто поразительно.

«Можно испытать удовлетворение уже оттого, что мой план произвел подобное впечатление на Колчестера Замарского», – подумала Имоджен.

– Неплохой план, вы не находите? Остается добавить, что мне нужен именно такой партнер, как вы, милорд.

– Милорд, прошу вас, скажите, что это безумный, опасный, безрассудный, дурацкий план! – обратилась Горация к Маттиасу.

Маттиас бросил беглый взгляд на Горацию, после чего сурово произнес:

– Ваша тетя совершенно права. Его можно охарактеризовать именно такими – впрочем, не только такими – словами.

Похоже, Имоджен была ошеломлена.

– Чушь! План сработает! Я абсолютно уверена в этом.

– Допускаю, что буду сожалеть, но все же рискну спросить. Мисс Уотерстоун, меня мучает болезненное любопытство. Скажите, а какую роль вы отводите в вашем грандиозном плане мне?

– Разве это не ясно, милорд? Вы признанный авторитет во всем, что касается Замара. За исключением И. А. Стоуна, другого такого авторитета в этой области нет.

– Исключений не существует, – сурово поправил ее Маттиас. – Тем более в лице И. А. Стоуна.

– Если вы на этом настаиваете, милорд, – пробормотала Имоджен. – Каждый член Замарского общества знает о вашей квалификации.

Маттиас не стал опровергать ее слова:

– И что из этого?

– Я полагала, это очевидно, сэр. Простейший и наиболее эффективный способ убедить Вэннека в том, что я обладаю картой, дающей ключ к местонахождению Великой печати королевы, – это продемонстрировать, что вы верите в это.

– Черт побери! – В голосе Маттиаса прозвучало едва ли не восхищение. – Вы хотите, чтобы я убедил Вэннека и все общество, будто верю в то, что дядя оставил вам подобную карту?

– Именно, милорд! – Имоджен испытала облегчение, почувствовав, что Маттиас наконец-то схватил суть ее замысла. – Ваша заинтересованность в карте придает необходимую достоверность моей легенде.

– А каким образом я должен буду продемонстрировать эту заинтересованность?

– Это самое простое, милорд! Вы сделаете вид, что хотите соблазнить меня.

Ответом Маттиаса было молчание.

– О Боже, – прошептала Горация. – Кажется, мне нехорошо.

Маттиас некоторое время смотрел на Имоджен.

– Я должен… вас соблазнить?

– Конечно, это будет просто видимость, – успокоила она его. – Но в обществе заметят, что вы преследуете меня. Вэннек же сделает вывод, что причина может быть лишь одна.

– Он решит, что я стремлюсь заполучить Великую печать королевы, – сказал Маттиас.

– Именно.

Горация издала тяжелый вздох:

– Мы обречены.

Маттиас тихонько постучал пальцем по ободку чашки.

– А почему Вэннек или кто-то другой решит, что моя цель – соблазнить вас? Ведь вы, должно быть, знаете, что я недавно вернулся в Англию и вступил во владение титулом. В обществе могут вполне посчитать, что я ищу жену, а не любовницу.

Имоджен поперхнулась чаем.

– Об этом не беспокойтесь, милорд. Никому и в голову не придет, что вы собираетесь сделать мне предложение.

Маттиас изучающе посмотрел на нее:

– А что у вас за репутация?

Имоджен аккуратно поставила на стол чашку.

– Я вижу, вы не имеете понятия о том, что я собой представляю. Впрочем, это неудивительно. Вы ведь находились за пределами страны несколько лет.

– Вы не могли бы просветить меня относительно своей персоны? – недовольно произнес Маттиас.

– Три года назад, когда я приезжала с визитом к Люси в Лондон, я обрела прозвище «Нескромная Имоджен». – После некоторого колебания она добавила: – Моя репутация безнадежно испорчена.

Брови Маттиаса образовали одну сплошную черную линию. Он вопросительно посмотрел на Горацию.

– Это правда, милорд, – негромко подтвердила Горация.

Маттиас снова перевел взгляд на Имоджен:

– Кто был тот мужчина?

– Лорд Вэннек, – ответила Имоджен.

– Черт побери! – тихонько произнес Маттиас. – Неудивительно, что вы жаждете мести.

Имоджен выпрямилась:

– Это никак не связано с моим планом. Мне ровным счетом наплевать на собственную репутацию. Отмщения требует убийство Люси. О своей истории я рассказала вам лишь для того, чтобы вы поняли: общество не воспринимает меня как подходящую кандидатуру в жены. Все поймут, что человек вашего положения хочет завести со мной лишь короткий роман или же заполучить от меня нечто ценное.

– Например, печать королевы. – Маттиас покачал головой. – Черт побери!

Имоджен быстро поднялась и ободряюще ему улыбнулась.

– Я вижу, что теперь вы схватили суть дела, милорд. О деталях моего плана мы можем поговорить вечером за ужином. К тому времени мы, я надеюсь, закончим инвентаризацию. А поскольку вы уже здесь и вам нечем пока что заняться, не хотите ли нам помочь?

Глава 2

Горация пододвинулась поближе к Маттиасу, когда они остались в библиотеке одни.

– Милорд, вы должны что-то сделать.

– Разве?

Озабоченность на лице Горации сменилась выражением явного неодобрения.

– Сэр, я отлично осведомлена о том, кто вы и что вы собой представляете. Когда это произошло десять лет назад, я жила в Лондоне.

– В самом деле?

– Тогда я не принадлежала к вашему кругу. Но некоторые уважаемые люди принадлежали. Так или иначе, я знаю, как и почему вы заслужили прозвище Безжалостный Колчестер. Моя племянница знает вас лишь как Колчестера Замарского. Она восхищается вами уже много лет. Она не знакома с вашими печально известными историями.

– Почему вы ей не расскажете об этом, миссис Элибанк? – негромко спросил Маттиас.

Горация отступила на шаг, словно боясь, что он прыгнет и вцепится в нее клыками.

– Это не поможет. Она назовет это мерзкой сплетней. Я знаю ее. Она сочтет, что ваша репутация несправедливо запятнана, так же как и ее. И без сомнения, станет вашим верным союзником и сторонником.

– Вы и в самом деле так считаете? – Маттиас задумчиво посмотрел на дверь. – У меня их совсем немного.

– Немного – чего? – не поняла Горация.

– Верных союзников и сторонников.

– Я полагаю, мы оба знаем, что для этого есть весьма основательные причины, милорд, – парировала Горация.

– Как скажете.

– Колчестер, я понимаю, что не мне судить вас, но я в отчаянии. Моя племянница полна решимости осуществить свой безумный план. Вы моя единственная

надежда.

– Черт возьми, что я, по-вашему, должен сделать? – Маттиас бросил взгляд через плечо, желая удостовериться, что Имоджен не вернулась в комнату. – Не обижайтесь, мадам, но я никогда не встречал такой женщины, как мисс Уотерстоун. Она способна подмять человека.

– Я знаю, что вы имеете в виду, но надо что-то предпринять… Иначе мы окажемся втянутыми в осуществление этого грандиозного плана мести, который она разработала.

– Мы? – Маттиас взял с ближайшей полки том в кожаном переплете.

– Уверяю вас, Имоджен не откажется от своего замысла, даже если вы не согласитесь с ней сотрудничать. Она просто найдет другой способ привести его в исполнение.

– Строго говоря, это уже не мои проблемы.

– Как вы можете так говорить? – в отчаянии произнесла Горация. – Ведь вы дали обещание моему брату, сэр! И было завещание Селвина!.. В нем сказано, что вы всегда держите свое слово. Даже ваши злейшие враги – а их у вас немало – не могут этого отрицать.

– Верно, мадам, я всегда выполняю свои обещания. Но я должен был Селвину Уотерстоуну, а не его племяннице.

– Сэр, если вы хотите заплатить долг моему дорогому покойному брату, вы должны уберечь Имоджен от неминуемой беды.

– Имоджен ожидает от меня совершенно другой помощи, мадам. Она с дьявольским упорством стремится к этой беде. С учетом ее энергии и решимости, я подозреваю, она добьется своей цели.

– Она поразительно упряма, – признала Горация.

– Она способна посрамить и Наполеона, и Веллингтона. – Он повернулся к полкам, забитым книгами. – Я, например, не имею ясного представления, каким образом способен помочь мисс Уотерстоун с инвентаризацией коллекции.

– Такое нередко случается с моей племянницей, – задумчиво проговорила Горация. – Она любит самостоятельно контролировать ситуацию.

– Понятно. – Маттиас посмотрел на заглавие тома, который держал в руках. «Описание странных и необыкновенных предметов в гробницах, обнаруженных на островах южных морей». – Я думаю, это должно войти в ваш перечень.

– Книги об артефактах гробниц? – Горация подошла к письменному столу и склонилась над открытым журналом. Она макнула гусиное перо в чернила и сделала какую-то пометку. – Очень хорошо, вы можете положить ее вместе с другими.

Маттиас водрузил том на все возрастающую стопу аналогичных книг. Он рассеянно посмотрел на оставшиеся тома, поскольку его мозг был занят более насущными проблемами, связанными с Имоджен Уотерстоун. Прежде чем принять решение относительно дальнейших действий, он должен располагать необходимой информацией.

– Каким образом Вэннек скомпрометировал вашу племянницу, мадам?

Горация поджала губы:

– Это очень неприятная история.

– Чтобы действовать, я должен знать хотя бы наиболее существенные факты.

Горация с надеждой посмотрела на него:

– Пожалуй, будет лучше, если вы узнаете некоторые подробности от меня, а не из столичных сплетен. Они ведь, кажется, и вашей репутации повредили, милорд?

Маттиас встретил ее взгляд:

– Вы правы, миссис Элибанк. У вашей племянницы и у меня немало общего.

Горация внезапно стала внимательно рассматривать посмертную маску древних этрусков.

– Так вот, три года назад Люси пригласила Имоджен в Лондон. К тому моменту леди Вэннек была замужем уже больше года, но это было ее первое приглашение.

– Имоджен остановилась у лорда и леди Вэннек?

– Нет. Люси предупредила, что не может предложить ей остановиться в их доме, потому что лорд Вэннек не выносит гостей. Она предложила снять для Имоджен на несколько недель домик и позаботилась об этом.

Маттиас нахмурился:

– Имоджен отправилась в Лондон одна?

– Да. Я не могла сопровождать ее, потому что мой муж был в то время тяжело болен. Да Имоджен и не считала, что ей нужна компаньонка. У нее очень независимый характер.

– Я это заметил.

– Вину за это я целиком возлагаю на ее родителей, упокой Господь их душу, – вздохнула Горация. – Они души в ней не чаяли и все делали из лучших побуждений, но воспитали ее слишком независимой.

– Каким образом? – поинтересовался Маттиас.

– Мой брат и его жена были далеко не молоды, когда у них родилась Имоджен. Они уже совсем было потеряли надежду иметь детей. Рождение Имоджен было для них великой радостью.

– У нее нет братьев или сестер?

– Нет. Ее отец – Джон, мой старший брат, был философом и имел весьма радикальные взгляды на воспитание молодежи. Он увидел в Имоджен блестящую возможность воплотить на практике свои теоретические воззрения.

– А мать?

Горация сделала гримасу:

– Алетея была весьма своеобразная леди. В молодые годы она наделала шуму… Написала книгу, в которой вполне серьезно подвергала сомнению значение брака для женщины. Мой брат влюбился в нее сразу же, как только прочитал книгу. Они тут же поженились.

– Несмотря на ее взгляды на брак?

– Алетея всегда говорила, что Джон – единственный во всем мире мужчина, который подходит ей как муж. – Поколебавшись, Горация добавила: – Она была права. Во всяком случае, ее взгляды на женское воспитание были тоже весьма своеобразны. Она написала книгу и об этом.

– Другими словами, Имоджен – продукт радикального философского эксперимента?

– Боюсь, что именно так.

– А что случилось с вашим братом и его женой?

– Они умерли от легочной инфекции в тот год, когда Имоджен исполнилось восемнадцать лет. – Горация покачала головой. – Я часто говорила им, что их привычка курить этот мерзкий американский табак не доведет до добра. К счастью, Имоджен не унаследовала этой гадкой привычки.

– Вы собирались рассказать мне, что произошло три года назад, когда Имоджен отправилась в Лондон. – Маттиас замолчал, услышав шум приближающихся шагов в зале.

Имоджен заглянула в дверь и вопросительно посмотрела на Маттиаса и Горацию:

– Как идет инвентаризация?

Маттиас только что взял в руки переплетенный том «Квортерли ревю антиквитиз».

– Надеюсь, что инвентаризация идет успешно, мисс Уотерстоун.

– Отлично. – Имоджен взглянула на листок, который держала в руках. – Я составила график, и если мы будем его придерживаться, то закончим инвентаризацию первого этажа до нашего отъезда в Лондон в четверг. Тетя Горация и я завершим инвентаризацию оставшейся части дома после возвращения через несколько недель. Так что желаю успешной работы. – Она бодро помахала рукой и исчезла за дверью.

Маттиас задумчиво смотрел ей вслед.

– Удивительное создание.

– Я боюсь, что ничто не способно отвлечь ее от поставленной цели, милорд, – с грустью признала Горация.

Маттиас положил журнал на стол.

– Вы рассказывали мне, каким образом она была скомпрометирована три года назад.

– Если бы я могла тогда отправиться в Лондон с ней вместе! Имоджен считает себя дамой света, но вы, сэр, понимаете скорее всего не хуже меня, что, проведя всю жизнь в Аппер-Стиклфорде, она была совершенно не подготовлена к появлению в свете. Более того, ее родители питали отвращение к высшему обществу. Они вдалбливали ей в голову множество бесполезных предметов, таких как греческий, латынь или логика, но не обучали полезным вещам – например, как выжить в высшем обществе.

– Ягненок среди волков, – проговорил Маттиас. – Однако ягненок с зубками, я так полагаю.

– Ее подруга Люси также ничем ей не могла помочь, – с горечью сказала Горация. – Леди Вэннек определенно несла долю ответственности за инцидент. Но это лишь для вашего сведения… Я знаю, что Имоджен считала ее близкой подругой, однако, я уверена, она была эгоистка и думала только о себе.

– Вы знали Люси?

– Мне приходилось с ней встречаться, когда я навещала брата и его семью. Она была красива, может быть, даже очаровательна. Но красоту и обаяние использовала лишь для того, чтобы манипулировать другими. Она разбила сердца нескольких молодых фермеров здесь, в Аппер-Стиклфорде. Насколько я понимаю, Люси подружилась с Имоджен лишь потому, что в округе не было других молодых леди. Она даже не утруждала себя перепиской с Имоджен после того, как переехала в Лондон и прожила там целый год. А затем как гром среди ясного неба – приглашение.

– Так что же все-таки произошло в Лондоне?

– В первое время все шло нормально. Имоджен стала активным членом Замарского общества. Она буквально бредила Замаром начиная с семнадцати лет. В тот год вы и Ратледж вернулись из вашей первой экспедиции. Имоджен вступила в Замарское общество вскоре после того, как оно было образовано, но у нее не было возможности встречаться с его членами до приезда в Лондон.

– Как ни прискорбно, но должен заметить, что Замарское общество состоит преимущественно из любителей и дилетантов… К сожалению, Замар вошел в моду.

– Возможно… Тем не менее Имоджен впервые получила возможность общаться с теми людьми, которые разделяют ее интересы. Она была очень взволнована этим. Вы должны помнить, что она осталась одна после смерти родителей. Единственной ее подругой была Люси, а после отъезда Люси в Лондон Имоджен оказалась абсолютно одинокой. Боюсь, что изучение Замара значило для нее слишком много, если не сказать все. И естественно, что встречи с такими же увлеченными людьми весьма волновали ее.

– С кем именно она встречалась? – насторожился Маттиас. Мода на Замар привлекла в ряды Замарского общества скучающих франтов, молодых повес, ищущих развлечений.

– Люси представила племяннице молодого человека по имени Аластер Дрейк. – Горация сделала паузу. – Это было единственное доброе дело, которое Люси сделала для Имоджен. Мистер Дрейк разделял энтузиазм Имоджен в отношении Замара.

– В самом деле?

– По всем сведениям, у них сложились добрые отношения. Я слышала от друзей, что у мистера Дрейка появились даже нежные чувства к Имоджен. Поговаривали и о возможном предложении с его стороны. Но затем разразилось несчастье.

Маттиас перестал изображать, что он занимается инвентаризацией. Он оперся плечом о полки и скрестил на груди руки.

– Несчастье в лице лорда Вэннека, как я понимаю?

Глаза Горации, увеличенные линзами очков, были печальны.

– Да. Имоджен не имела ни малейшего понятия о том, как вести себя с развратником, который хочет соблазнить девушку. Некому было наставить или предостеречь ее. – Она внезапно замолчала, вынула платочек из кармана фартука и промокнула им глаза. – Об этой истории даже говорить трудно.

– Я должен просить вас завершить рассказ, мадам, – безжалостно проговорил Маттиас. – Я не могу принять решение, как мне действовать, пока не узнаю, что произошло.

Горация искоса недоверчиво посмотрела на него и, видимо, приняла решение. Она положила платочек в карман.

– Хорошо, сэр. Это никакой не секрет. Все в городе знали о происшествии, и когда Имоджен вновь появится, сплетня, без сомнения, оживет снова… Короче говоря, Имоджен застали в спальне с Вэннеком.

Маттиас не мог объяснить причины, но почувствовал себя так, как если бы ему ногой ударили в живот. Он был сам поражен такой реакцией. Ему понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что он не ожидал столь драматической развязки повествования.

Он предполагал нечто более невинное. Ведь подмочить репутацию молодой женщины в обществе ничего не стоит. Один неосторожный поцелуй, выход в магазин или выезд на лошади без сопровождения компаньонки, слишком много вальсов с одним человеком, какой-нибудь довольно безобидный промах – все это может стать для девушки роковым. В высшем свете соблюдать приличия – это альфа и омега поведения.

Но быть обнаруженной в спальне с мужчиной – любым мужчиной, даже если не брать в расчет репутацию Вэннека, – это уже серьезно. Нескромная Имоджен, по всей видимости, заслужила свое прозвище, подумал Маттиас. Ей еще повезло в том отношении, что эпитет мог бы быть и покрепче.

– Это была спальня Вэннека? – заставил себя спросить Маттиас. – Или она пригласила его к себе?

– Нет, конечно. – Горация отвела взгляд. – Но в конечном итоге было бы, наверно, лучше, если бы инцидент произошел в его или ее спальне. К сожалению, Имоджен и Вэннека застали вдвоем в спальне на втором этаже во время бала, который давали лорд и леди Сандоун.

– Понятно. – Маттиас не без усилий подавил заклокотавший в нем гнев. Какого черта он принимает это так близко к сердцу? Он едва знает Имоджен. – Ваша племянница не останавливается на полпути, не так ли?

– Это не ее вина, – взяла под защиту племянницу Горация. – В спальню ее заманил Вэннек.

– Кто их обнаружил?

Горация издала тяжелый вздох:

– Мистер Дрейк, приятный молодой человек, который был близок к тому, чтобы сделать ей предложение. С ним находился его компаньон. Естественно, после этого разговор о женитьбе больше не возникал. Но вряд ли следует осуждать за это мистера Дрейка.

– Но этот Дрейк мог по крайней мере держать свой рот на замке.

– Вероятно, он держал. Но я сказала, что он был с компаньоном в этот вечер. И тот, по всей видимости, оказался не таким уж джентльменом.

Маттиас с шумом выдохнул воздух:

– Этот инцидент, как вы выражаетесь, должно быть, положил конец дружбе между мисс Уотерстоун и леди Вэннек?

– Люси покончила с собой на следующий день после того, как Вэннека и Имоджен обнаружили в спальне. Она оставила записку, в которой написала, что не может смириться с тем, что ее лучшая подруга предала ее и совратила ее мужа.

Подумав лишь мгновение, Маттиас быстро спросил:

– Каким образом она покончила с собой?

– Она приняла большое количество настойки опия.

– И нет никаких сомнений в том, что она совершила самоубийство?

– В обществе в этом никто не сомневается. Имоджен единственный человек, кто считает, что это Вэннек убил Люси. Я боюсь, что Имоджен просто находится под впечатлением неприятного инцидента, который связан с его именем… Но в том, что случилось в спальне, – вина Вэннека. В этом у меня нет никаких сомнений.

Маттиас взглянул на дверь библиотеки, чтобы снова удостовериться в отсутствии Имоджен.

– А сейчас, спустя три года, мисс Уотерстоун вдруг пришла сумасбродная мысль отомстить за подругу.

– Я думаю, эта мысль подспудно все время жила в ней, – призналась Горация. – Как член Замарского общества, она переписывается со множеством людей. Несколько недель назад один из ее корреспондентов сообщил, что лорд Вэннек занят поисками богатой наследницы. Мой брат недавно умер и оставил Имоджен этот дом со всем содержимым и… гм… с вашим обещанием, и тогда Имоджен внезапно загорелась этой идеей.

– Загорелась – это не совсем то слово, которое я употребил бы. – Маттиас отстранился от книжного шкафа. Его взгляд упал на последний номер «Замариан ревю». Увидев дату выпуска, он нахмурился и чертыхнулся.

– Что-то случилось, милорд?

– Нет. – Он взял журнал в руки и быстро перелистал страницы. – Просто в этом номере редакция опубликовала две статьи, в которых дается различная интерпретация замарских надписей. Одна написана мной, вторая – И. А. Стоуном. Этот парень постоянно преследует меня.

– Вот как? – Горация занялась погребальной урной.

– Редакция по непонятной причине охотно и много публикует этого типа, хотя всякому болвану ясно, что его выводы совершенно ошибочны. Я поговорю с редактором об этом.

– Вы собираетесь разговаривать с редактором о публикациях И. А. Стоуна?

– А почему бы нет? Я основал этот чертов журнал. На мне лежит ответственность за то, чтобы в нем публиковались по-настоящему умные, серьезные материалы.

– Понимаю. А что, выводы И. А. Стоуна о замарских надписях не совпадают с вашими, милорд? – ровным голосом спросила Горация.

– Не совпадают. И что особенно раздражает – Стоун, как обычно, делает выводы на основе опубликованных мною результатов исследований. – Маттиас взял себя

в руки, не позволив до конца выплеснуться своему раздражению. Обычно статьи других ученых о Замаре его совершенно не интересовали. Он знал лучше, чем кто-либо другой, что после гибели Ратледжа у него нет соперников в этой области.

Никто и не пытался бросать Маттиасу вызов, пока восемнадцать месяцев назад некий И. А. Стоун не разразился статьей на страницах журнала.

После этой публикации Маттиас испытал раздражение, ученый мир – изумление; тем не менее И. А. Стоун оказался первым человеком, чьи статьи вызывали у Маттиаса желание отреагировать на них. Он не мог понять себя, ведь он никогда даже не встречал этого Стоуна. Своего нового соперника он знал лишь по его статьям. Он дал себе слово, что разыщет Стоуна и поговорит с этим выскочкой.

– Милорд, опять какие-то проблемы? – вкрадчиво спросила Горация.

– Простите, мадам. Стоун – это моя головная боль.

– Я заметила, сэр.

– С того момента, как я несколько месяцев назад вернулся в Англию, я познакомился с его статьями, которые занимали все больше места в «Замариан ревю». Теперь члены Замарского общества разделились и принимают либо его, либо мою сторону, если наши мнения расходятся.

– Я понимаю ваши чувства на этот счет, учитывая ваш авторитет в этой области, – дипломатично изрекла Горация.

– Авторитет? Да И. А. Стоун при каждом удобном случае пытается пошатнуть его!.. Впрочем, это совсем другой вопрос. Сейчас мы обсуждаем Имоджен и ее сумасбродный план.

Горация внимательно посмотрела ему в глаза:

– Да, это верно.

– Я полагаю, что инцидент трехлетней давности не помешает ей снова вернуться в общество?

– Не возлагайте надежд на то, что она не получит приглашений, – предостерегла Горация. – Боюсь, что общество примет ее даже с интересом. Мои родственные связи с Бланчфордом, наследство, полученное ею от Селвина, ее рассказ о карте, которая может привести к замарскому сокровищу, – все это снова пробудит утраченный к ней интерес света.

– Ее будут рассматривать как неподходящую невесту, но в то же время как весьма интересную особу, – негромко сказал Маттиас.

– Боюсь, вы очень точно все выразили.

– Это предвещает беду.

– Да, милорд. Вы моя единственная надежда. Если вы не найдете способа отговорить ее, Имоджен, без сомнения, на всех парусах устремится навстречу катастрофе. – Горация выдержала паузу, чтобы последующие ее слова показались еще более весомыми. – Мне кажется, что, если вы и в самом деле намерены платить долг моему брату, вы должны спасти Имоджен. Именно этого хотел Селвин.

Маттиас поднял брови:

– Вы способны весьма лаконично формулировать цели, миссис Элибанк.

– Я в отчаянии, сэр.

– Вам ничего иного не остается, однако почему вы думаете, что можно манипулировать обещанием, данным мной вашему брату.

Горация задохнулась от неожиданности, но затем сумела взять себя в руки:

– Милорд, умоляю вас уговорить племянницу отказаться от этой безумной идеи.

Маттиас посмотрел ей в глаза:

– Если вы говорите, что вам известна моя репутация, миссис Элибанк, то вы должны знать, что я склонен скорее губить, чем спасать людей.

– Да, сэр, я знаю об этом. – Горация простерла руки. – Но к кому же мне обратиться! Она не желает меня слушать! А вы дали обещание моему брату. Всему свету известно, что Безжалостный Колчестер всегда выполняет обещания.

Маттиас не ответил. Он молча прошел к двери, пересек зал, подошел к лестнице и стал подниматься, перешагивая через ступеньку.

Поднявшись, Маттиас остановился и прислонился к стене. По доносящемуся издали шуму он понял, что Имоджен работает в восточном крыле. Он решительно направился в ту сторону.

Имоджен Уотерстоун уже успела нарушить размеренный ритм его жизни, думал он. Пора ему взять под собственный контроль свою судьбу. Он всегда выполнял обещания, но, как он предупредил Горацию, делал это на своих условиях.

До него все время доносился стук, пока он шел к спальне по левую сторону коридора. Маттиас остановился в дверях и окинул взглядом комнату.

Спальня представляла собой затемненное помещение, выдержанное в том же похоронном стиле, что и весь дом. Тяжелые черные шторы на окнах были раздвинуты, но проникающий сюда свет, казалось, был не в состоянии одолеть мрак. На кровати лежало покрывало траурного цвета. С потолка свисали черные и темно-бордовые светильники.

Самым привлекательным зрелищем в спальне был округлый зад Имоджен. Маттиас почувствовал, как у него заныло в паху.

Имоджен нагнулась, чтобы достать из-под кровати железный чемодан, и взору Маттиаса предстали обтянутые платьем обольстительные полушария крепких женских ягодиц. Юбки платья приподнялись, приоткрыв элегантные икры в белых чулках. У Маттиаса вдруг возникло нестерпимое желание запустить руку под платье и пощупать то, что находится повыше чулок.

Внезапно нахлынувшая мощная волна желания ошеломила Маттиаса. Он перевел дыхание и заставил себя сосредоточиться на насущных проблемах.

– Мисс Уотерстоун!

– Что такое?! – Имоджен, вздрогнув, резко выпрямилась и повернулась. Лицо ее было пунцовым от напряжения. Она повернулась и задела рукой маленького, страшноватого глиняного божка на столе. Уродец упал на пол и разлетелся на мелкие куски.

– Проклятие! – нахмурилась Имоджен, глядя на осколки.

– Не тратьте силы на сожаления, – сказал Маттиас. – Это не относится к Замару.

– Правда не относится? – Имоджен стала поправлять белую шапочку на голове, которая сбилась набок. – А я не слышала, как вы шли через зал, милорд. Вы, случайно, не закончили инвентаризацию библиотеки?

– Увы, нет. Я едва начал, но пришел сюда, чтобы обсудить нечто более важное.

Ее лицо посветлело.

– Наш план относительно того, как заманить в ловушку Вэннека?

– Ваш план, а не мой, мисс Уотерстоун. Мы с миссис Элибанк обсудили кое-какие стороны этого дела и пришли к одному мнению: ваш замысел неразумен, опрометчив и весьма опасен.

Она в смятении уставилась на него потемневшими глазами.

– Сэр, вы не сможете удержать меня.

– Я был почти уверен, что вы отреагируете именно таким образом. – Несколько мгновений он молча смотрел на нее. – Что вы предпримете, если я откажусь помогать вам и не стану играть ту роль, которую вы мне отводите?

– Вы отказываетесь выполнить обещание, данное моему дяде? – спросила она после паузы.

– Мисс Уотерстоун, обещание, которое я дал Селвину, было весьма общим. Его можно интерпретировать по-разному, и поскольку обещал я, я и буду расставлять акценты.

– Гм… – Имоджен уперла руки в бока и стала постукивать носком о пол. – Вы намерены нарушить слово, сэр?

– Вовсе нет. Свои обещания я всегда выполняю, и это не станет исключением. – Маттиас почувствовал, что начинает злиться. – Я пришел к выводу, что наилучший способ выплатить долг вашему дяде – это отговорить вас от опасной затеи.

– Предупреждаю вас, сэр… Вы можете отказаться мне помочь, но вам не удастся отговорить меня. Я признаю, что ваша поддержка очень важна для меня, но уверена, что я смогу справиться и без вас.

– Неужели? – Маттиас сделал шаг в глубину комнаты. – И как же вы этого добьетесь, мисс Уотерстоун? Может быть, снова встретитесь с ним в чьей-нибудь спальне, как это было три года назад? Согласен, что такое предложение усилит его интерес.

Несколько мгновений Имоджен ошеломленно молчала. Затем в ее глазах сверкнул гнев.

– Как вы смеете, сэр?

Маттиас почувствовал горечь в душе, но подавил это чувство. В данном случае цель оправдывала средства. Он процедил сквозь зубы:

– Приношу извинения за то, что я навел справки об инциденте, мисс Уотерстоун. Однако, – безжалостно продолжал он, – мы не можем игнорировать прошлое. Факты остаются фактами. Если Вэннек соблазнил вас однажды, он попытается сделать это опять. И если вы не попытаетесь использовать свои чары, чтобы заманить его в ловушку…

– Черт побери! Вэннек не соблазнил меня три года назад! Он меня скомпрометировал! А это совершенно разные вещи!

– Разве?

– Первое означает реальность, второе – лишь то, что кому-то что-то показалось. – Имоджен презрительно фыркнула. – Я полагала, что человек ваших умственных способностей должен бы провести различие между этими двумя понятиями.

Маттиас вспыхнул:

– Сколько бы вы ни спорили о мелочах, это ничего не меняет. Проблема-то остается. И вряд ли это поможет вам справиться с таким типом, как Вэннек.

– Уверяю вас, что мне это под силу, и я с ним справлюсь. Но я прихожу к выводу, что вы правы в одном отношении, сэр. Вероятно, мне не потребуются ваши услуги. Первоначально, продумывая план, я полагала, что ваше участие будет весьма полезно мне, но сейчас склоняюсь к тому, что вы будете мне мешать, а не помогать.

По непонятной для Маттиаса причине слова Имоджен добавили масла в огонь его гнева.

– Да неужто?!

– По-видимому, вы не тот человек, за которого я вас принимала.

– Черт побери! И какой же я, по вашему мнению, человек?

– Я полагала – как выяснилось, ошибочно, – что вы человек действия, что вас не испугает опасность… Человек, способный идти на риск без малейших колебаний.

– И откуда же у вас такое обо мне представление?

– Из ваших статей о древнем Замаре. Читая эти захватывающие статьи о путешествиях и исследованиях, я решила, что вас привлекает острота ощущений в драматических ситуациях. – Она презрительно улыбнулась. –

Выходит, я ошибалась.

– Мисс Уотерстоун, вы хотите сказать, что мои статьи написаны на основе вторичных данных, как статьи этого злосчастного И. А. Стоуна?

– И. А. Стоун предельно честен относительно того, откуда он берет информацию. Он не делает заявлений о том, что собственными глазами видел то, о чем пишет. А вы их делаете. Вы выдаете себя за человека действия, но, похоже, вы таковым не являетесь.

– Я ни за кого себя не выдаю, несносная…

– Очевидно, то, что вы пишете, это простая беллетристика, а не факты. Прискорбно, что я видела в вас умного, находчивого джентльмена, готового дерзать. И еще я глубоко заблуждалась, считая, что вопрос чести для вас выше всяких мелких неудобств.

– Вы не только мое мужество, но и мою честь подвергаете сомнению?

– А разве для этого нет оснований? Совершенно очевидно, что за вами долг, сэр, но очевидно и то, что вы намерены уклониться и не платить его.

– Я был должен вашему дяде, а не вам.

– Я вам уже объясняла, что унаследовала этот долг, – парировала Имоджен.

Маттиас сделал еще один шаг в глубь комнаты.

– Мисс Уотерстоун, вы испытываете мое терпение.

– Я вовсе и не помышляла об этом, – угрожающе-ласковым голосом сказала она. – Я просто пришла к выводу, что вы не будете принимать участие в осуществлении моего плана. И тем самым я освобождаю вас от данного вами слова. Отправляйтесь восвояси, сэр.

– Черт побери! Вам не удастся так легко от меня отделаться! – Двумя широкими шагами Маттиас преодолел разделяющее их пространство и схватил Имоджен

за плечи.

И тем самым допустил ошибку. В мгновение ока его гнев трансформировался в желание.

Несколько мгновений он не мог пошевелиться. Казалось, на него опустился могучий кулак и парализовал его. Маттиас попытался вздохнуть, но аромат духов Имоджен затуманил его сознание. Он смотрел в бездонную глубину голубовато-зеленых глаз и думал: не утонет ли в них? Он открыл рот, чтобы завершить спор ядовитой репликой, но слова застряли в горле.

Гнев во взгляде Имоджен исчез. Вместо него появилась озабоченность.

– Милорд! Что-то случилось?

– Да. – Это было все, что он смог сказать не разжимая зубов.

– Что с вами? – Озабоченность Имоджен сменилась тревогой. – Вы нездоровы?

– Вполне вероятно.

– Боже милостивый! Я не заметила это сразу. Без сомнения, этим и объясняется ваше странное поведение.

– Без сомнения.

– Может быть, вы приляжете на кровать на несколько минут?

– Я не думаю, что это будет слишком разумно…

Она была такой мягкой. Сквозь рукава платья он почувствовал тепло ее тела и вдруг понял, что ему чертовски хочется знать – с такой ли пылкостью предается она любви, с какой ведет спор. Он заставил себя оторвать руки от ее плеч.

– Нам лучше закончить дискуссию в другое время.

– Чепуха, – бодро сказала она. – Не следует откладывать важные дела, милорд.

Маттиас закрыл на пару секунд глаза и сделал глубокий вдох. Подняв ресницы, он увидел, что Имоджен с видимым интересом наблюдает за ним.

– Мисс Уотерстоун, – решительно начал он, – я попытаюсь изложить свои мотивы.

– Вы собираетесь помочь мне, да? – Ее губы стали складываться в улыбку.

– Прошу прощения?

– Вы передумали, правда? Чувство долга победило в вас. – Ее глаза сверкнули. – Благодарю вас, милорд. Я знала, что вы поможете мне в осуществлении моих планов. – Она одобрительно похлопала его по руке. – И пусть вас не беспокоят никакие другие аспекты.

– Какие другие аспекты?

– Ну, отсутствие непосредственного опыта в делах, где требуются отвага и риск. Я это понимаю. Вам не следует смущаться тем, что вы не человек действия, сэр.

– Мисс Уотерстоун…

– В конце концов, не каждый способен быть бесстрашным, – радостным тоном продолжала убеждать она. – Вы не должны бояться, если возникнет какая-нибудь проблема во время приведения в исполнение моего плана, я все возьму на себя.

– При мысли о том, что в опасной ситуации вы возьмете руководство на себя, у меня стынет кровь в жилах.

– Очевидно, у вас слабая нервная система. Но я придумаю, как с этим справиться. Постарайтесь не рисовать себе кошмаров, милорд. Я понимаю, вам внушает тревогу то, что вас ждет впереди, но уверяю вас, я постоянно буду рядом.

– Правда будете? – потрясенно спросил он.

– Я сумею защитить вас. – Без какого-либо предупреждения Имоджен положила руки ему на предплечья и на мгновение ободряюще сжала их.

Та узда, с помощью которой Маттиас пытался себя сдерживать, в одно мгновение ослабла. Раньше чем Имоджен успела убрать руки, он сжал ее в объятиях.

– Сэр? – Ее глаза расширились от удивления.

– В этой ситуации меня по-настоящему пугает лишь одно, – хрипло сказал он. – Кто защитит меня от вас?

Не дожидаясь ответа, он страстно поцеловал ее.

Глава 3

Имоджен на какое-то мгновение застыла, испытав внезапное смятение чувств. Она всегда гордилась крепкими нервами, никогда не падала в обморок, не испытывала слабости и головокружений. Но в этот момент она почувствовала, что близка к потере сознания.

Она часто задышала; ладони стали влажными. Мысли, которые отличались полной ясностью несколько секунд назад, превратились в сумбур. Все окружающие предметы вдруг куда-то отодвинулись. Она задрожала и почувствовала, как ее обволакивает сладостное, почти горячечное тепло.

Если бы она не была уверена в своем здоровье, то решила бы, что заболела.

Маттиас застонал и еще крепче прижал ее к своему крепкому телу. Она чувствовала, что его язык блуждает по ее губам, и в смятении поняла, что он хочет проникнуть в ее рот. Любопытство взяло верх, и она приоткрыла рот. Язык Маттиаса скользнул в глубину.

Имоджен почувствовала слабость в коленях. Мир вокруг нее закачался и поплыл. Она крепко ухватилась за плечи Маттиаса, опасаясь, что упадет, если оторвет от них руки.

Маттиас не сделал ни малейшей попытки отпустить Имоджен. Более того, его руки обвились вокруг нее, и она ощутила животом тугую выпуклость внутри его тесных брюк. Она понимала, что он должен чувствовать, как ее груди прижимаются к его широкой груди. Он пошевелился, чуть перегнул ее назад, и одна из его ног скользнула между ее бедер.

Ею овладели неведомые дотоле безрассудные, шалые чувства. Нельзя сказать, чтобы она вообще не имела никакого понятия о поцелуях, но не было сомнений в том, что ни холодно-расчетливые поцелуи Филиппа Д’Артуа, ни целомудренные объятия Аластера Дрейка не приводили ее в такое смятение.

Это была страсть – настоящая, всепоглощающая, сжигающая.

Тихонько застонав от восторга, Имоджен обвила руки вокруг шеи Маттиаса.

– Имоджен…

Маттиас поднял голову. Его худощавое лицо было серьезным. Глаза более не казались бесстрастными глазами духа – они сверкали. Казалось, он пытался заглянуть в зеркало, которое должно предсказать его судьбу и ответить на сокровенные вопросы.

– Что это я делаю?

Наваждение пропало, мир мгновенно обрел реальность. Имоджен смотрела на Маттиаса, понимая, что он сожалеет о том, что поддался внезапному порыву.

Имоджен безжалостно отмела внезапно родившееся ощущение потери. Пытаясь взять себя в руки, она лихорадочно искала слова, которые были бы уместны в этой щекотливой ситуации.

– Успокойтесь, милорд. – Имоджен заняла руки тем, что стала поправлять шапочку. – В этом нет вашей вины.

– Нет моей вины?

– Именно так, – заверила она. – Такие вещи случаются, когда просыпаются темные страсти. У моих родителей была та же самая проблема. Все их споры всегда кончались таким же образом.

– Понимаю.

– Мы с вами ссорились несколько мгновений тому назад, и эмоции момента взяли вверх над вами и лишили вас самообладания.

– Вы так разумно мне все объяснили, мисс Уотерстоун. – Глаза Маттиаса сверкнули. – У вас никогда не бывает проблем с тем, чтобы найти нужные слова?

В глубине души у нее что-то дрогнуло. Впрочем, похоже, он не дразнил ее.

– Полагаю, что могут возникнуть ситуации, когда даже самый красноречивый человек не в состоянии отыскать необходимые слова, милорд.

– И ситуации, когда вполне достаточно лишь действия. – Он решительно положил ладонь ей на затылок и медленно наклонился, чтобы поцеловать снова.

На сей раз поцелуй был намеренный, рассчитанный и опустошающий. Имоджен повисла на руках Маттиаса. Шапочка ее упала на ковер, волосы рассыпались.

Имоджен покачивалась. Все вокруг поплыло и стало исчезать. Единственной реальностью оставался лишь Маттиас. Он был по-настоящему материален. Его сила обволокла ее, пробудила в ней сладостное желание. Она обвила руки вокруг шеи Маттиаса и изо всей силы сжала ее.

– Вы преподносите один сюрприз за другим, – прошептал Маттиас возле ее губ. – Не то что Замар.

– Милорд. – Эти слова привели Имоджен в восторг. Сравнить ее с Замаром! О большем комплименте она не могла и мечтать!

Маттиас вынудил Имоджен сделать два шага назад. Она оказалась прижатой к шкафу. Маттиас взял ее за запястья и поднял руки над головой, прижав их к дверце из красного дерева. И в этом положении несколько раз обжигающим

ртом поцеловал ее в шею. Одна нога его оказалась между ее колен.

– Боже милостивый! – Имоджен хватала ртом воздух. Теперь нога Маттиаса оказалась уже между ее бедер. – Я не могла подумать…

– В этот момент – я тоже. – Он отпустил запястья Имоджен. Его сильные, красивые руки коснулись ее шеи.

Имоджен неловко схватилась за ручку шкафа, чтобы не упасть. Как раз в этот момент Маттиас сделал попытку подвести ее к кровати.

Имоджен забыла отпустить ручку. Дверца шкафа с шумом распахнулась. Какой-то крупный предмет, находившийся на средней полке, вдруг сорвался с места.

Маттиас оторвал губы от шеи Имоджен.

– Какого дьявола…

Имоджен с ужасом смотрела на то, как предмет достиг края полки и устремился вниз.

Реакция Маттиаса была мгновенной. Он успел отпустить Имоджен, отстранить ее и поймать падающий предмет.

– Черт побери! – пробормотал Маттиас, рассматривая пойманную вазу.

Вздох облегчения вырвался из груди Имоджен:

– Это был изумительный прыжок, милорд! Вы удивительно ловки!

– Если для этого есть причина. – Он еле заметно улыбнулся, продолжая изучать надпись на вазе.

Имоджен заметила блеск в его глазах, хотя он был иного рода, чем несколько мгновений назад. Она перевела взгляд на предмет, который Маттиас держал в руках. Ваза была сделана из полупрозрачного зеленовато-голубого камня. Из

такого камня изготавливали утварь в Замаре. Один из корреспондентов писал Имоджен, что этот нежно-зеленый цвет стал в последнее время очень модным. Имоджен увидела надпись и сразу же узнала язык.

– Замар. – Она смотрела на вазу как на чудо. – Дядя Селвин говорил мне, что у него есть несколько замарских артефактов, но я не подозревала, что у него может быть такая прелестная вещь.

– Должно быть, это из гробницы.

– Да. – Имоджен наклонилась, чтобы получше рассмотреть надпись. – Очень изящная вещь, не правда ли? А взгляните на слова. Надпись неформальная. Чье-то личное подношение умершему от любящего человека, если я не ошибаюсь.

Маттиас поднял глаза и оценивающим взглядом посмотрел на Имоджен:

– Вы узнали надпись?

– Да, конечно. – Она осторожно взяла вазу из рук и стала медленно ее вращать в руках, любуясь изяществом отделки. – «Подобно тому как Замарис заключает в объятия Анизамару на закате дня, так наши души будут постоянно в объятиях друг друга». Очень трогательно, не правда ли, милорд?

– Дьявольщина!.. – потрясенно сказал Маттиас. – Во всей Англии найдется только один человек, кроме меня, который способен перевести эту замарскую надпись так быстро и так точно.

Имоджен слишком поздно поняла, что наделала, и тихонько ахнула.

– Я так понимаю, что только что имел удовольствие целовать И. А. Стоуна?

– Милорд, уверяю вас, я не хотела вас обманывать.

– Разве?

– Ну, может, лишь самую малость. Я собиралась все объяснить вам.

– Позже?

– Да. Позже. При удобном случае. – Она попыталась изобразить улыбку. – С момента вашего приезда мы все время были заняты, так что мне не представилась возможность сделать это.

Маттиас проигнорировал это неубедительное объяснение.

– Что касается первого инициала, то здесь все ясно. Как ясно и то, откуда произошла фамилия Стоун, мисс Уотерстоун. А что означает второй инициал?

– Августа, – с легким вздохом призналась Имоджен. – Вы должны понять меня, сэр. Я сохраняла инкогнито, потому что понимала: редакция журнала никогда не опубликует мои исследования, если будет знать, что их автор – женщина.

– В самом деле…

– Я намеревалась открыть секрет сразу же после того, как мы представились друг другу. Но вы дали ясно понять, что считаете И. А. Стоуна соперником. Я не хотела, чтобы это осложнило наши отношения и помешало вам принять участие в осуществлении моего плана.

– Соперник? – поднял брови Маттиас. – Чепуха! Я не считаю И. А. Стоуна соперником. Слово «соперник» относится к человеку равному. Что касается И. А. Стоуна, то это всего лишь самонадеянный писака, который делает смехотворные выводы, основываясь на моих статьях.

Имоджен была уязвлена.

– Позвольте напомнить вам, сэр, что правильная интерпретация фактов не менее важна, чем простое описание увиденного.

– Ничто не может заменить информацию, полученную на основании личного опыта.

– Чушь! Когда-то вы сделали ряд предположений о некоторых замарских обычаях, которые не подтвердились вашими же дальнейшими открытиями.

– Например?

Имоджен приподняла подбородок:

– Например, ваше ничем не подкрепленное предположение о свадебных ритуалах, о которых вы подробно рассказали в своей последней статье.

– Я не делал никаких предположений. Я пришел к логическим выводам на основе уже известных фактов и исследований.

– Да неужто? – вызывающим тоном спросила Имоджен. – Вы утверждаете, что невеста не могла высказывать своего мнения при заключении брака, когда даже любителю ясно, что замарские невесты имели множество прав и привилегий. Замарская женщина могла при желании даже расторгнуть брак.

– Лишь в весьма редких случаях.

Имоджен холодно улыбнулась:

– Она могла сделать это, если мужчина проявлял жестокость или оказывался импотентом. Это давало ей определенные права, милорд. Далее. Она сохраняла контроль над своей собственностью и доходами и после замужества. В этом отношении замарские законы прогрессивнее современных английских.

– Не скажите, – возразил Маттиас. – В вопросах брака замарцы мало чем отличались от англичан. Мужчина был хозяином в своем доме. Жена должна была ему во всем подчиняться, вести хозяйство и создавать комфортную жизнь мужу. Он, в свою очередь, брал на себя ответственность защищать жену и детей.

– Вы снова высказываете неподтвержденные предположения. Тщательно изучив ваши статьи, я пришла к выводу, что брак в Замаре строился на взаимном чувстве и уважении.

– Такие невероятные выводы можно сделать, лишь имея больное воображение и совершенно не владея первичной информацией. Основа замарского брака – собственность, социальное положение, деловые соображения. Как и в

современной Англии.

– Это неверно, – не согласилась Имоджен. – Взаимное чувство – одно из важнейших условий замарского брака. Вспомните книги стихов, которые вы обнаружили среди руин замарской библиотеки.

– Нельзя делать общие выводы на основе нескольких романтических стишков. – Маттиас раздраженно провел рукой по волосам. – Это ничего не доказывает. В Замаре брак был деловой сделкой, каковой он является и в нынешней Англии.

– Стало быть, вы утверждаете, что замарцы не верили в силу любви, милорд?

– Любовь – это всего лишь более красивое слово для выражения полового влечения, и я не сомневаюсь, что она была известна замарцам. В конце концов, они были умные люди.

– Любовь и половое влечение – не одно и то же.

– Одно и то же. – На скулах Маттиаса задвигались желваки. – Уверяю вас. Я сделал этот вывод на основе тщательных наблюдений и опыта. Не в пример другим людям.

– У меня есть свои наблюдения и свой опыт, – возмутилась Имоджен, – и выводы я делаю совершенно другие, сэр.

Маттиас холодно улыбнулся:

– Вы знаете, что такое половое влечение? Не поделитесь ли своим знанием, мисс Уотерстоун?

– Нет. О таких вещах не распространяются.

– Это верно. Позвольте мне высказать несколько наблюдений, полученных на основании собственного опыта. Я продукт союза, начало которому положила грандиозная плотская страсть. Но когда страсть остыла, остались горечь, гнев и сожаление.

В глазах Имоджен отразилось нечто, похожее на сочувствие. Она порывисто шагнула к Маттиасу, затем в нерешительности остановилась.

– Простите меня, милорд. Я не знала, что это для вас такой больной вопрос.

– К сожалению, было уже слишком поздно расставаться. – Очевидно, Маттиас взял себя в руки, и голос его окреп. – Моя мать была беременна мной. Ее семья настаивала на браке. Семья отца хотела заполучить наследство матери. Это была сделка дьявола. Мой отец так и не простил мою мать. Он заявлял, что она обманом заставила его жениться на ней. Мать же не могла простить отца за то, что он соблазнил ее, а затем обвинил во всех грехах.

– Какое печальное детство у вас было!

В его глазах появилось удивление.

– Напротив, я считаю, что история отношений моих родителей помогла мне многое узнать, мисс Уотерстоун.

– Тем не менее не приходится сомневаться, что вам был преподан суровый урок. – Внезапно ей пришла в голову новая мысль: – Вы говорили, что собираетесь вступить в брак сейчас, когда вы получили титул? Попытаетесь найти свое счастье в браке?

– Можете в этом не сомневаться, – твердо сказал Маттиас. – Намерен вступить в брак, который будет построен на более существенной основе, нежели дурацкие романтические бредни и похоть.

– Да, понятно, – пробормотала Имоджен.

Маттиас взял из ее рук голубовато-зеленую чашу и стал сосредоточенно рассматривать.

– Я ищу невесту, наделенную здравым смыслом, а не девчонку, чья голова забита романтическими стишками… Умную, здравомыслящую женщину. Такую, чтобы не бросалась вслед за каждым поэтом со взором горящим.

– Понятно.

Как же она ошибалась в отношении этого человека, с горечью подумала Имоджен. Созданный ее воображением Колчестер Замарский был человеком тонким и романтичным. Реальный же Колчестер был явно консервативен и приземленных взглядов.

– Удивительно, сэр, когда я посылала за вами, была убеждена, что у нас с вами очень много общего.

– Разве?

– Да. Но сейчас я вижу, что глубоко заблуждалась. Пожалуй, трудно отыскать двух людей, которые столь отличались бы друг от друга, не так ли, милорд?

Маттиас ответил неожиданно сдержанно:

– В некоторых отношениях – пожалуй.

– С моей точки зрения – во всех отношениях. – Едва заметно улыбнувшись, она добавила: – И я освобождаю вас от вашего обещания, милорд.

– Простите? – бросил хмурый взгляд Маттиас.

– С моей стороны было глупо ожидать, что вы поможете мне осуществить мой замысел. – Имоджен наблюдала за тем, как тонкие, длинные пальцы скользили по замарской чаше. – Вы вполне убедили меня, что не созданы для приключений вроде этого, и я не имею права настаивать на такой услуге.

– Я полагаю, что дал вам понять, что так легко от меня не отделаться, мисс Уотерстоун.

– Что вы хотите этим сказать, сэр?

– Я помогу вам в вашем заговоре. Возможно, я не такой человек, каким вы меня представляли, мисс Уотерстоун, но горю желанием доказать, что я не какой-нибудь слюнтяй.

Имоджен выглядела шокированной.

– Сэр, я вовсе не имела в виду и не собиралась называть вас слюн… гм…

Он поднял ладонь, чтобы остановить ее протест:

– Вы очень ясно все высказали. Вы полагаете, что я слишком осторожный, слабовольный, нерешительный человек. Возможно, какая-то доля истины в этом есть, но я не хотел бы, чтобы меня принимали за отъявленного труса.

– Сэр, и ярлык труса я не собиралась на вас вешать. Некоторой слабости нервной системы не стоит стыдиться. Без сомнения, это семейная черта, как и белая прядь в ваших волосах. Это нечто такое, что выше вас, милорд.

– Слишком поздно, мисс Уотерстоун. Я уже решил, что должен сдержать слово, данное вашему дяде. Лишь таким образом мне удастся сохранить самоуважение.

– Я была потрясена, – призналась Имоджен Горации через два дня, когда они ехали в Лондон в дилижансе. Они были вдвоем, потому что Маттиас уехал на следующий день, получив от Имоджен целый ряд инструкций. – Он делает это лишь для того, чтобы доказать, что у него есть мужество… Боюсь, я задела его гордость. Я вовсе не хотела этого, но знаешь, меня иногда заносит, если я чем-то увлечена.

– Я бы не стала переживать по поводу уязвленной гордости Колчестера, – возразила Горация. – У него высокомерия хватит на всю его жизнь.

– Хотелось бы в это верить, но я убеждена, что он тонко чувствует.

– Тонко чувствует? Колчестер?

– Я пыталась отговорить его от помощи, но, как видишь, не добилась в этом успеха.

– Колчестер явно настроен содействовать твоей сумасбродной затее… Хотела бы знать, зачем ему это нужно.

– Я уже сказала тебе. Он хочет попытаться доказать себе, что он человек дела. Любому ясно, что он к этой категории людей не относится.

– Гм… – Горация поправила юбки дорожного платья, откинулась назад на подушки и устремила на Имоджен внимательный взгляд. – С самого начала я говорила тебе, что твой план крайне опасен, ибо я боюсь реакции лорда Вэннека. А сейчас я убеждена, что вовлекать Колчестера – еще более безрассудное дело.

– Колчестер не опасен. – Имоджен сморщила нос. – Он постоянно будет в поле моего зрения. Я буду присматривать, чтобы в своем желании проявить себя он не попал в беду.

Горация вопросительно уставилась на племянницу:

– Ты хочешь присматривать за Колчестером?

– Я должна делать это при сложившихся обстоятельствах. – Имоджен выглянула в окно. – Он оказался совсем не таким, как я ожидала, тетя Горация.

– Ты опять об этом. Признайся, Имоджен, что твои ожидания основывались на пустых фантазиях.

– Это не так. Мое представление о характере и темпераменте лорда сложилось благодаря статьям, которые он публиковал в «Замариан ревю». Это свидетельствует лишь о том, что некоторые безоговорочно верят тому, что читают.

Горация посмотрела на Имоджен через очки:

– Дорогая моя, ты ничего не смыслишь в Колчестере. Я пыталась рассказать тебе, что он приобрел вполне определенную репутацию около десяти лет назад, когда ему было двадцать с небольшим. Я знаю, что ты в это не веришь, но факт остается фактом: его считают весьма опасным и безжалостным.

Имоджен сделала гримасу:

– Чушь! Тот, кто поговорит с ним хотя бы пять минут, не может не сделать вывода, что эта репутация никак не соответствует его натуре. Он явно стал жертвой гадкой сплетни, как и я три года назад.

– Похоже, он убедил тебя в этом, – пробормотала Горация. – Непонятно только, для какой цели…

– Конечно, помогать он станет, но с ним будет много хлопот.

– Я не удивлюсь, если он в этот самый момент произносит точно такие же слова о тебе, моя дорогая.

Имоджен не ответила. Ее внимание привлек деревенский пейзаж за окном, и припомнились обрывки ночного сна. В течение последних нескольких недель ей нередко снилось нечто подобное, но этот сон был особенно ярким и волнующим.

Она стояла посередине библиотеки дяди Селвина. Была полночь. Из окон лился призрачный лунный свет. По углам прятались тени.

Она медленно повернулась, пытаясь найти человека, который – она это точно знала – находился где-то рядом. Она не видела его. Однако она чувствовала его присутствие. Он ждал, прячась под покровами ночи.

Что-то зашевелилось в дальнем углу. Она с беспокойством и трепетом наблюдала за тем, как фигура отделилась от окружающих ее теней и медленно направилась к ней. В темноте невозможно было рассмотреть лицо, однако, когда человек пересекал полосу лунного света, в его волосах мелькнула серебристая прядь.

Замарис, властитель ночи. Могучий, обольстительный. И очень опасный.

Он подошел ближе и протянул руку.

Это не Замарис, поняла она. Это Колчестер.

Невероятно.

По какой-то непонятной причине она была не в состоянии провести между ними разницу. Колчестер и Замарис слились в некое единое создание ночи.

Она посмотрела на протянутую к ней руку и увидела, что с его длинных, красивых пальцев капает кровь.

Должно быть, он напрасно согласился на участие в замысле мисс Имоджен, в тысячный раз говорил себе Маттиас по возвращении в Лондон. Она уже сейчас имела какую-то дьявольскую способность воздействовать на его волю.

Он отложил гусиное перо и невидящими глазами уставился на листы очередной статьи, которую писал для «Замариан ревю», где размышлял о замарских ритуалах. Мысль то и дело возвращалась к предстоящему появлению в городе Имоджен.

Она должна была появиться вместе с Горацией именно сегодня. Ее шальной, безрассудный план вскоре будет приведен в действие. Ей требовалось лишь получить несколько приглашений на приемы и балы. Горация была уверена, что с этим проблем не будет.

Маттиас поднялся со стула и обогнул угол большого письменного стола. Он остановился перед камином, испытывая нарастающее, гложущее беспокойство. Оно не покидало его с того самого времени, как он вернулся в Лондон.

Непростительная глупость – дать себя втянуть в сумасбродную затею Имоджен. Во всей этой истории его утешало лишь то, что этот дьявольский план вряд ли сработает! На пути Имоджен, несомненно, встретятся такие препятствия, что ей придется отказаться от своего грандиозного плана. Маттиас понимал, что именно ему предстоит удержать ее от беды, пока она не осознает окончательно своего поражения.

Имоджен была преисполнена решимости стать на тропу, чреватую скандалами и непредвиденными опасностями. Маттиас еще раз проанализировал ее план, пытаясь быть предельно объективным. Он не верил в то, что Вэннек на самом

деле убил свою жену. Вэннек был развратный, хитрый, беспринципный негодяй, имел дурную репутацию в борделях и злачных местах, но едва ли был убийцей. Соблазнить невинную, наивную молодую леди, такую как Имоджен, – вот это было в его стиле. Маттиас сжал ладонь в кулак.

Он прикрыл глаза и вспомнил, как Имоджен вела себя, оказавшись в его объятиях. Горячая волна накатила на него, он почувствовал жар в чреслах. Маттиас не мог припомнить, чтобы какой-нибудь женский поцелуй производил на него такое действие. Он попытался подавить в себе желание, которое жгло его. Сделать это ему не удалось, и тогда он представил себе Имоджен в спальне с Вэннеком на балу у Сандаунов.

Маттиас понимал, что с ним происходит, и это-то и беспокоило его. Он хотел видеть Имоджен в своих объятиях, а потому, представив ее в объятиях распутного Вэннека, почувствовал, что, кажется, способен на убийство.

Он глубоко вздохнул, продолжая глядеть в камин и пытаясь вызвать к памяти тени минувшего. Они были здесь и словно звали присоединиться к ним в пляшущее пламя. И их было очень много.

Маттиасу было десять лет, когда его отец Томас в последний раз в ярости набросился на Элизабет, которая, как обычно, была в слезах.

Маттиас своими глазами видел эту последнюю драму из-за балюстрады. Он был не способен остановить поток слов и слез матери и чувствовал, что от напряжения у него тряслись руки. Ему хотелось убежать и спрятаться, но вместо этого он продолжал наблюдать безобразную сцену.

Он вновь слышал ужасные взаимные обвинения родителей, но именно тогда до него впервые дошел их смысл.

Несмотря на то что прошло столько лет, эти слова и сейчас звучали в ушах.

– Ты заманила меня в ловушку, безжалостная сука! – кричал отец в лицо матери. – Ты воспользовалась своим телом, чтобы соблазнить меня, а потом забеременеть!

– Ты говорил, что любишь меня, – оправдывалась Элизабет. – Я была невинная, но ты без колебаний завалил меня на кровать, разве не так?

– Ты лгала мне! Ты говорила, что знаешь, как предохраняться от беременности! Будь ты проклята! Я никогда не собирался жениться на тебе! Я не испытывал к тебе ничего, кроме элементарной похоти! Такой же самой, какую я испытываю к обычной проститутке!

– Ты говорил мне о своей любви! – плакала Элизабет.

– Чушь! Я сыт по горло этим браком без любви! Ты хотела заполучить титул, у тебя он теперь есть, но, видит Бог, Элизабет, это все, что ты можешь получить от меня.

– Ты не можешь бросить меня, Томас!

– Я не могу отделаться от тебя законным образом. Развод исключается. Но я не намерен обрекать себя на пожизненное страдание! Владей титулом, который ты получила с помощью обмана! Ты будешь владеть этим домом и иметь деньги на его содержание, но моей ноги здесь больше не будет! Моя резиденция в Лондоне, и если тебе потребуется связаться со мной по какому-нибудь важному поводу, ты сможешь сделать это через моих адвокатов!

– А как же Маттиас? – в отчаянии спросила Элизабет. – Он твой сын и наследник!

– Это ты утверждаешь, – хрипло проговорил Томас. – Насколько я знаю, ты спала с половиной членов моего клуба.

– Он твой сын, мерзавец ты и выродок! Закон не позволит тебе отвернуться от него!

– Я прекрасно осведомлен об этом, мадам, – сказал Томас. – Но в один прекрасный день я узнаю истину и докажу, как жестоко ты меня обманула. У каждого мужчины в моем роду появляется белая прядь к двадцати годам.

– Она будет и у Маттиаса! Вот увидишь! И тогда ты не сможешь игнорировать его!

– Я выполню свой долг, – поклялся Томас. – Маттиаса давно пора отправить учиться. Если он останется еще на некоторое время с тобой, ты своими слезами только испортишь его и из него никогда не получится настоящий мужчина.

– Ты не должен его отправлять! Он единственный, кто у меня есть! Я не позволю этого!

– У вас нет выбора, мадам! – возразил Томас. – Я уже сделал необходимые распоряжения. Его домашний учитель уволен. В Итоне и Оксфорде он получит надлежащее образование.

Маттиаса увлекла учеба. За десять лет он мало преуспел в том, чтобы завоевать благосклонность отца, но достиг многого в науках.

Томаса мало интересовали школьные успехи мальчика. Тем временем Маттиас, не в пример своим товарищам, увлекся классическими текстами, которые занимали центральное место в программе обучения. Он взрослел, и тексты все больше привлекали и интриговали его. Он чувствовал, что они скрывают какие-то тайны.

Длинные, меланхолические письма Элизабет, полные бесконечных жалоб на эгоистичного, прижимистого отца, сообщали еще о приемах в доме и ее болезнях. Маттиасу было тошно приезжать на каникулы домой, тем не менее он регулярно делал это, ибо считал своим долгом. Шли годы, и он понял, что мать пыталась поддержать бодрость духа не только приемами, но и все возрастающими дозами вина и опия.

Письма от отца приходили весьма редко. В них говорилось преимущественно о больших затратах на обучение Маттиаса и содержались раздраженные выпады против Элизабет за ее непомерные финансовые домогательства, которыми она постоянно мучила адвокатов.

Элизабет утонула в пруду близ своего поместья зимой, когда Маттиасу шел четырнадцатый год. Слуги говорили, что вечером она выпила очень много вина, а затем несколько бокалов бренди. Она сказала им, что хочет сама совершить вечернюю прогулку.

Официально сообщалось, что смерть ее произошла в результате несчастного случая, однако Маттиасу иногда казалось, что мать покончила с собой. Тем не менее он на протяжении всей жизни испытывал чувство вины за то, что его не было дома в тот трагический момент и что он не смог спасти ее. Но, видно, мать хотела того сама, мрачно думал он.

Маттиас до сих пор видит отца, стоящего напротив него, на краю могилы матери. Это было памятное событие по многим причинам, одна из которых заключалась в том, что Маттиас в этот день впервые дал себе клятву. Глядя в лицо отца, он молча поклялся, что никогда впредь не будет пытаться завоевать его расположение. Холод и суровость поселились в его сердце. Они так никогда и не покинули его.

Томас был в блаженном неведении относительно того, что творилось в душе Маттиаса. Он отослал его сразу же после похорон и торжественно заявил о своем намерении жениться снова. Облегчение, которое испытывал Томас, освободившись от Элизабет, и радость по поводу предстоящих брачных хлопот резко контрастировали с общей атмосферой, царившей на похоронах.

– Ее зовут Шарлотта Пул, Маттиас. Она очаровательна, красива и чиста. Образец благородства и женственности. Она принесет мне счастье, которого я никогда до этого не знал.

– Очень рад за вас, сэр.

Маттиас повернулся на каблуках и пошел к материнской могиле. Он знал, что ее душа будет преследовать его.

Письмо от Томаса с известием о рождении дочери, которую назвали Патрицией, пришло спустя год после женитьбы графа на Шарлотте. Маттиас внимательно прочитал восторженные слова отца о «глубокой и нежной любви» к новорожденной дочке и ее матери. Затем он бросил письмо в камин. Когда оно горело, казалось, что он видит дух матери в пламени. Ее дух был первым из многих других.

Серебряная прядь в волосах Маттиаса появилась едва ли не за одну ночь. Томас стал присылать письма сыну, приглашая навестить его семью. Однако Маттиас игнорировал приглашения.

Когда Маттиас заканчивал учебу, его главными увлечениями были греческий и латинский языки, игра в кости и вист. Регулярные наезды в Лондон с друзьями дали возможность близко познакомиться с игорными домами и содержимым Британского музея.

Именно в этом музее он натолкнулся на ключ, позволявший отыскать потерянный Замар. Именно там он познакомился с Джорджем Ратледжем – всеми уважаемым ученым, экспертом по античности. Ратледж позволил Маттиасу пользоваться своей личной библиотекой.

Внушительная библиотека Ратледжа содержала дополнительные подтверждения существования забытого островного королевства. Ратледжу было не занимать энтузиазма у Маттиаса – он также верил в возможность обнаружения Замара. Дело упиралось лишь в деньги на экспедицию. Маттиас решил эту проблему уникальным способом, который вызвал скандал в обществе и привел в ярость отца.

Он открыл игорный дом.

За годы, предшествующие открытию Маттиасом Замара, от лорда Колчестера пришло несколько писем с предложением посетить его загородный дом. Маттиас вежливо отказался. Ему удалось уклониться от встречи с мачехой и своей единокровной сестрой.

Он находился на пути из Замара домой, когда Томас и Шарлотта погибли в дорожной аварии. Похороны состоялись за несколько недель до его возвращения в Англию. Патриция сразу после похорон уехала жить к дяде по материнской линии.

Маттиас по прибытии в Лондон узнал, что он унаследовал графский титул и приобрел несколько новых духов.

Глава 4

Если ситуация станет выходить из-под контроля, он разыграет свой вариант, дал себе слово Маттиас во вторник вечером, входя в сверкающий огнями зал. Он

имел в виду, что, как только план Имоджен начнет осуществляться, он сможет сорвать его, дав понять Вэннеку и обществу, что, по его мнению, карта дяди – обман.

Но это было рискованным. Не было никакой гарантии, что подобная тактика сработает. Как-никак, Имоджен была И. А. Стоун. Она была намерена хранить этот факт в секрете, но ничто не мешало ей всюду цитировать мнение Стоуна.

Если И. А. Стоун, который имел немало горячих сторонников и почитателей, скажет, что считает карту подлинной, Вэннек может клюнуть на приманку и никакие ухищрения Маттиаса не помогут. В Замарском обществе было немало тех, кто хотел бы, чтобы Маттиас оказался не прав.

Он не обращал внимания на любопытствующие, удивленные и тайные взгляды, направленные на него, когда пересекал обширный зал. Он делал вид, что не слышит шепота и долетавших до него комментариев.

Безжалостный Колчестер.

Он так и не избавился от репутации, которую приобрел десять лет назад. Впрочем, он и не делал попыток. В течение этих лет у него были более важные дела: Замар всецело поглощал его силы и душу. Во всяком случае, до того момента, пока Имоджен не впутала его в эту дурацкую затею.

По большому счету, Маттиас игнорировал мнение света. Он не скрывал того, что презирает светское общество за фривольность и любовь к сплетням, которые составляли его сущность и являлись его питательной средой. В результате общество пришло к выводу, что он интересен.

Маттиас обменялся сдержанными приветствиями со знакомыми и взял бокал шампанского с подноса. Он остановился возле вычурной, перегруженной позолотой колонны, украшавшей бальный зал, и вынул из кармана часы. Почти одиннадцать. Время выхода на сцену.

В чрезвычайно подробной записке, которую он получил утром, Имоджен давала ему инструкции относительно его роли в сегодняшнем представлении. Она даже составила сценарий их первого разговора на глазах всего общества. Он должен был вести себя так, словно впервые представлен Имоджен.

Пробежав глазами вызывающий улыбку диалог, который ему предлагалось заучить, Маттиас бросил листок в камин. Он не Эдмунд Кин[1 - Английский актер (1787–1833), игравший в старейшем лондонском театре на Друри-Лейн.], а гостиная леди Блант – не Друри-лейн. Тем не менее он там оказался.

И, несмотря ни на что, был заинтригован.

Затея Имоджен была сумасбродной, совершенно безумной. Он не сожалел о своем участии в ней, но не мог отделаться от дурных предчувствий.

Маттиас подумал, что за короткий период знакомства с Имоджен он пережил гамму незнакомых ощущений и эмоций, начиная от недоверия и кончая властным, необоримым желанием, а кроме того, в разные моменты испытал раздражение, удивление, изумление и другие чувства. Эта леди была опасной.

– Добрый вечер, Колчестер. Для нас это большой сюрприз. Вероятно, в этот вечер в салоне леди Блант должно произойти нечто весьма интересное. Иначе я не могу объяснить причину, по которой вы снизошли до принятия приглашения.

При звуках знакомого хрипловатого голоса Маттиас повернулся и увидел подошедшую к нему женщину. Он слегка наклонил голову.

– Селена. – Он поднял бокал в приветственном жесте. – Мои комплименты. Выглядите, как всегда, эффектно, мадам.

– Благодарю вас, сэр. Любой из нас делает все возможное для этого.

– Вы к тому же всегда этого добиваетесь.

Если Селена – леди Линдхерст – и почувствовала легкую насмешку в его словах, она не подала виду. Она просто улыбнулась, принимая комплимент как должное. Она была эффектной. Все в свете признавали это.

Селене было под тридцать. Она обосновалась в Лондоне четыре года назад после смерти своего престарелого мужа. Она не выказывала намерений вновь выйти замуж, но ее имя то и дело произносилось, хотя и тайно, рядом с именами некоторых светских львов. Красивая, элегантная и умная, она пользовалась

свободой, пребывая в роли богатой вдовы.

Селена вступила в Замарское общество, однако, по мнению Маттиаса, ее интерес к античности скорее был данью моде. Она, без сомнения, была достаточно умна, чтобы разбираться в предмете, но, как и у других членов этого общества, интерес не вызывал у нее желания внести лепту в изучение проблемы. Когда мода на Замар пройдет, она займется чем-то другим.

Нежно-золотистые волосы, лазурного цвета глаза и небесно-голубые тона ее платьев утвердили за ней прозвище Ангел. Молодые поклонники сочиняли в ее честь оды, воспевая небесный облик и таинственный свет, который она излучает. Джентльмены постарше и поопытнее прилагали усилия к тому, чтобы заманить ее в постель. Насколько Маттиас знал, преуспели в этом немногие. Селена была весьма разборчива в выборе любовников.

Чутье подсказывало Маттиасу, что она относилась к разряду женщин, чьи чары и красота возбуждали страсть в других, но сама она при этом не слишком воспламенялась.

Сегодня ее наряд, по обыкновению, был выдержан в голубых тонах. Платье, весьма откровенно оставлявшее открытой большую часть белоснежной груди, было отделано переливающейся золотистой вуалью. Тонкие нити маняще поблескивали при свете многочисленных канделябров. Волосы украшала золотистая диадема. На руках – облегающие длинные голубые перчатки. На ногах – синие атласные туфельки. Вылитый ангел, подумал Маттиас. Интересно только, куда подевались крылья.

Внезапно он вспомнил темно-желтые волосы и глаза цвета морской волны. В облике Имоджен Уотерстоун не было ничего неземного. Она была бодрой, энергичной и умной. Прямая противоположность духам, которых он видел в пламени камина. Ее страсть, в чем бы это ни выразилось, всегда будет настоящей, а не имитацией какой-либо эмоции. Маттиаса обожгло воспоминание о поцелуе, которым они обменялись.

Он сделал глоток шампанского и иронично скривил рот. Его не особенно влекло к ангелам, но, похоже, у него определилась склонность к женщинам с некоторой чертовщинкой.

– Так поведайте, Колчестер, что же все-таки привело вас сюда. – Селена оглядела зал. – Не есть ли это результат того, что вы получили титул? И снизошли до общества, чтобы начать охоту за невестой?

– А что, сложилось такое мнение?

– В настоящий момент склоняются именно к этому, – признала она. – Вы уже положили глаз на какую-нибудь юную леди из этой толпы?

– И что, если так?

Селена засмеялась, и ее смех был похож на позвякивание хрустальных подвесок.

– Если вы и в самом деле выбираете себе невесту, я смогу вам в этом помочь.

– Каким образом?

– Очень просто – представить вас. Возможно, вы слышали, что я организовала небольшой салон. Мы собираемся у меня в гостиной два раза в неделю и изучаем все, что касается древнего Замара. Я приглашаю только молодых женщин из знатных семей. Скажите лишь, какой внешности и возраста должна быть она, какое должно быть у нее приданое, и я подберу одну-двух юных леди на роль кандидатки в невесты.

Маттиас улыбнулся:

– Можно подумать, что вы работали на аукционе в Таттерсале, Селена.

– Выбор жены мало чем отличается от выбора хорошей лошади, разве не так, милорд?

– Право, не знаю. – Маттиас взял еще бокал шампанского с подноса и подал Селене. – Мне не приходилось этим заниматься… Расскажите о своем Замарском салоне, Селена. Это как-то выпадает из вашего стиля. Не понимаю, какой интерес вам два раза в неделю развлекать молодых дам?

Глаза Селены кокетливо блеснули.

– Вам не приходит мысль, что я могу испытывать удовольствие оттого, что посвящаю их в тайны древнего Замара?

– Нет, – без обиняков сказал Маттиас. – Я скорее готов допустить, что для вас эти молодые наивные леди – источник свежих сплетен о членах самых знатных и богатых семей.

– Весьма огорчена столь невысоким мнением о моем салоне.

– Не принимайте это лишь на свой счет. У меня весьма невысокое мнение обо всех играх, в которые играет светское общество.

– Вы вряд ли вправе критиковать его, Колчестер. Ведь несколько лет назад вы создали игорный дом «Потерянная душа» с одной вполне определенной целью – лишить джентльменов их состояний. – Селена негромко засмеялась. – И подумать только, вы обвиняете меня в том, что я играю в какие-то игры, сэр!

Ни один человек никогда не проигрывал состояния за его игорным столом, подумал Маттиас. Он знал это определенно. Но он не считал нужным возражать Селене. Вряд ли она поверила бы ему. Как не верил никто в высшем свете. Даже сейчас, спустя много лет, в обществе прочно удерживалось мнение о том, что он разорил нескольких человек, когда держал игорный дом.

– Я предпочел бы иные развлечения сейчас. – Маттиас обвел взглядом толпу людей, выискивая Имоджен. Ей пора бы уже появиться.

– Кого-то ищете? – спросила Селена. – Должна предупредить, что среди гостей я уже видела Теодосию Слотт.

Маттиасу удалось сдержать стон.

– В самом деле? – сказал он бесстрастным тоном.

– Однажды вы все же расскажете мне, что произошло в действительности в тот день, когда вы застрелили ее любовника.

– Не имею понятия, о чем вы говорите, – ровным голосом произнес Маттиас. Он даст Имоджен еще пятнадцать минут, решил он. Если и тогда она не появится, то пусть самостоятельно решает свои проблемы.

Но, подумав таким образом, он тут же осудил себя. При мысли о том, что Имоджен будет предоставлена самой себе, у него пробежал холодок по спине.

Селена бросила на него взгляд, в котором читалось нескрываемое любопытство.

– Вы все еще не решаетесь говорить о дуэли, хотя это было так давно? Я разочарована. Хотя и не скажу, что очень удивлена. Все знают, что вы отказываетесь беседовать на любую тему и говорите только о Замаре.

– В светском обществе происходит мало такого, о чем есть смысл вести разговор.

– Боюсь, вы несколько циничны, милорд. – Селена сделала паузу, заметив оживление в противоположном конце зала. – Ну-ну, похоже, появилась персона не менее интересная, чем вы.

По толпе прокатился шумок. Маттиас проследил за взглядом Селены. Он испытал предощущение, похожее на то, когда собираются выпустить свору собак и начать охоту. В воздухе явственно ощущался запах крови.

Было названо имя пришедшей, и оно многократно прокатилось по залу.

– Нескромная Имоджен… Девица Уотерстоун. Вы помните ее историю, дорогая?

– Подробностей не знаю. Что-то произошло три года назад. Дело замяли, поскольку ее семья в родстве с маркизом Бланчфордом. Похоже, она решила появиться в свете после смерти дяди.

– Ее имя связывали с Вэннеком. Весьма деликатная история… Их обнаружили вдвоем в спальне у Сандаунов, если вы помните… леди Вэннек покончила с собой после этого.

– Да-да. И ее все еще принимают в свете?

– Нескромная Имоджен – это, в общем, мелочь… Ее тетя в родстве и дружеских отношениях с Бланчфордом.

Селена стала обмахиваться голубым с позолотой веером.

– Нескромная Имоджен… Я почти забыла про нее. Что ж, становится интересно, милорд.

– Вы так считаете?

– Да, считаю. Вас не было в Лондоне три года назад, когда ее история наделала много шума… Мягко говоря, весьма оригинальная особа. Этакий синий чулок. – Селена улыбнулась. – Я думаю, на вас произведет впечатление. Она прямо-таки помешана на древнем Замаре.

– В самом деле?

– Насколько я помню, у нее нет ни вкуса, ни понятия о стиле. Не удивлюсь, если она и вальс станцевать не умеет.

Маттиас искоса взглянул на собеседницу:

– Вы хорошо ее знаете?

– Ее узнали все после этой истории с Вэннеком. Об этом говорили весь сезон… Я не вижу ее отсюда, сэр. Вам позволяет ваш рост. Вы видите ее?

– Да, – негромко сказал Маттиас. – Я хорошо вижу ее.

Он со смешанным чувством зачарованности и уважения наблюдал, как Имоджен продвигалась через зал. Хотела она того или нет, но ее появление вызвало ажиотаж.

Одета она была в зеленое – замарских тонов! – платье с высокой талией. Но выделялось платье не цветом. В конце концов, зеленый цвет замарских оттенков был модным в этом сезоне. Приковывали внимание низкий вырез декольте и три

яруса оборок на юбке. Маттиас улыбнулся про себя. Мотивы были явно замарского происхождения, хотя дельфины и раковины, украшавшие платье, смотрелись на бальном платье несколько непривычно.

На Имоджен была большая, опять-таки выдержанная в замарских зеленоватых тонах шляпа, которая сдерживала напор пышных каштановых волос, позволив выбиться лишь нескольким наиболее упрямым локонам. Подобный стиль одежды подошел бы скорее немолодой матроне. Головной убор также украшала золотистая брошь в виде дельфина.

Рядом с Имоджен шла Горация в серебристого цвета платье. Свои привычные очки она сменила на элегантный лорнет.

Маттиас подавил улыбку, глядя на то, как Имоджен пробирается через толпу. Она двигалась не маленькими шажками, как большинство из присутствующих, а шагала широко и энергично.

Наблюдая за ней, Маттиас внезапно ощутил, насколько обострилась его способность к восприятию. Он почувствовал запах цветов в саду, которые видны были через приоткрытую застекленную дверь. Свет свечей в огромных канделябрах стал ярче. Гул толпы, наоборот, стал приглушеннее, чем две-три минуты назад. И в каждом втором мужчине в толпе внезапно проявились черты хищника. Маттиас знал, что это последнее его наблюдение – отнюдь не плод больного воображения.

– Неужели она собирается найти себе мужа? – удивилась Селена. – Должно быть, тетя убедила ее в том, что наследство, которое она недавно получила, вынудит какого-нибудь отчаявшегося джентльмена сделать ей предложение… Что вполне вероятно.

Маттиас сжал зубы, едва не клацнув ими. Имоджен следует знать, что о скандале, произошедшем три года назад, вспомнили в считаные минуты. Отдаленное родство Уотерстоунов с маркизом Бланчфордом даст ей возможность снова вернуться в свет, но от сплетен не оградит. Скорее всего шепоток уже долетел до нее, как долетел и до него.

Он внимательно всмотрелся в Имоджен. С того места, где он стоял, она не выглядела обескураженной разговорами, которыми было встречено ее

появление. Это служило лишним доказательством того, что мало что могло напугать Имоджен.

Он наблюдал за ней со все возрастающим восхищением, пока вместе с Горацией она шла по залу. Уж он-то великолепно знал, что нужно незаурядное мужество, чтобы входить в зал, где раздаются нелестные эпитеты в твой адрес. И он еще хочет отговорить отказаться от своей затеи – ее, демонстрирующую подобную силу воли?!

– Колчестер!

Маттиас заставил себя обратить свой взор на Селену, которая наблюдала за ним с каким-то странным выражением лица.

– Простите, я не расслышал… Что вы сказали?

– Я спросила – с вами все в порядке?

– В порядке? Вполне. – Маттиас поставил недопитый бокал с шампанским на ближайший поднос. – Извините, мне необходимо выяснить, действительно ли мисс Уотерстоун ищет мужа.

Очаровательный ротик Селены открылся от крайнего изумления. Такого ошеломленного выражения на ее лице он никогда не видел. Маттиас едва не расхохотался.

– Колчестер, надеюсь, вы говорите не всерьез. – Селена не без труда взяла себя в руки. – Чего вы хотите? Ради Бога, не говорите, что Имоджен Уотерстоун интересует вас как потенциальная жена! Милорд, я только что говорила вам, что о ней идет весьма неприятная молва.

– Я редко прислушиваюсь к сплетням, Селена. Я наслушался о себе столько, что не верю им ни на йоту!

– Но, Колчестер, ее застали в спальне с Вэннеком! Человек вашего положения не может сделать предложение Нескромной Имоджен! Ведь вы вовсе не нуждаетесь в деньгах! Всем известно, что вы богаты, как Крез.

– Простите, Селена, я хочу позаботиться о том, чтобы меня ей представили.

Он повернулся на пятках и зашагал к ближайшей группе людей. Толпа раздвинулась словно по мановению волшебной палочки, когда он приблизился. Маттиас чувствовал на себе неотступные взгляды, когда направился к Имоджен и Горации.

Он достиг группы, окружавшей эту пару, одновременно с Флетчером и лордом Вэннеком.

Внимание Вэннека было всецело направлено на Имоджен, и он не видел Маттиаса до тех пор, пока едва не наступил на носок его начищенной до зеркального блеска штиблеты.

– Прошу прощения, – пробормотал Вэннек, маневрируя и пытаясь занять удобную позицию. Внезапно он узнал Маттиаса. В его глазах с тяжелыми веками вспыхнуло удивление. – Колчестер? – Первоначальное удивление сменилось выражением любопытства. – Я слышал, что вы в Лондоне. Что вас занесло сюда? Я полагал, вы терпеть не можете всю эту суету.

– Кажется, все намерены сегодня задавать мне один и тот же вопрос. Это становится скучным.

Вэннек вспыхнул и сердито поджал губы:

– Простите.

– Ничего, Вэннек. Я сегодня поглощен другим делом.

– Действительно?

Маттиас проигнорировал откровенное любопытство в глазах Вэннека. Он всегда недолюбливал этого человека. Их пути иногда пересекались не только потому, что Вэннек был членом Замарского общества, но еще и потому, что они были членами одних и тех же клубов.

Маттиас знал, что среди женщин света Вэннек имел репутацию красавца. Но сейчас ему было около сорока пяти, и годы пьяной и разгульной жизни наложили свой отпечаток. Он потолстел, кожа на его квадратных скулах обвисла.

Маттиас наблюдал за представлением Имоджен хозяйке – пухлой, оживленной Летиции… Леди Блант… Было очевидно, что Горация и Летти были старинными подругами. Летти была явно взволнована тем эффектом, который произвело появление нежданных гостей. Назавтра о бале будут говорить все. Горация верно рассчитала, у кого следует появиться в первый раз.

– Имоджен Уотерстоун, – пояснил Вэннек. – Не появлялась в городе около трех лет. Была другом моей покойной жены.

Маттиас бросил в его сторону короткий взгляд:

– Я слышал об этом.

Вэннек нахмурил брови:

– Вы знаете ее?

– Скажем так: знаю ее достаточно, чтобы хотеть быть ей представленным.

– Действительно?.. – пробормотал Вэннек. – Она женщина со странностями.

Внезапно Маттиас представил, как этот развратный, самоуверенный негодяй увлекает Имоджен в спальню, и у него возникло отчаянное желание съездить кулаком по его мясистой физиономии. Он заставил себя отвернуться и двинуться через толпу.

Имоджен, вежливо слушавшая, как Горация и Летти обменивались новостями, оживилась при виде Маттиаса. Он едва заметно улыбнулся.

– Колчестер! – Летти расцвела. Его появление произведет фурор, и она знала, чем ему обязана. Своим появлением в ее доме он сделал ее хозяйкой, с которой следует считаться.

– Летти. – Маттиас склонился к ее пухлой руке в перчатке. – Поздравляю с весьма успешно начавшимся вечером. Могу я попросить вас представить меня вашим новым гостям?

Круглое лицо Летти просияло.

– Конечно, милорд. Позвольте мне представить мою лучшую подругу миссис Горацию Элибанк и ее племянницу Имоджен Уотерстоун. Сударыни, граф Колчестер.

Уловив обеспокоенность в глазах Горации, Маттиас улыбнулся ободряющей улыбкой и склонился к ее руке.

– Рад познакомиться, миссис Элибанк. – Он скользнул взглядом по лицу Имоджен, на котором читалось еле заметное волнение.

– Милорд, – Горация прокашлялась, – вам, должно быть, будет интересно узнать, что моя племянница занимается изучением древнего Замара.

– В самом деле? – Маттиас взял затянутую в перчатку руку Имоджен. Он вспомнил сценарий, который передала ему утром Имоджен. – Какое совпадение!

Ее глаза одобрительно сверкнули – именно этими словами открывался по сценарию их диалог.

– Сэр, вы, случайно, не тот лорд Колчестер, который открыл затерянный Замар и сделал его более модным, чем даже Древний Египет?

– Бесспорно, я Колчестер. – Маттиас решил, что пришла пора отойти от сценария. – Что касается Замара, могу лишь сказать, что он вошел в моду потому, что это – Замар.

Имоджен слегка прищурилась, услышав со стороны Маттиаса импровизацию, однако тут же решительно вошла в новую роль:

– Я рада познакомиться с вами, милорд. Полагаю, нам есть что обсудить.

– Сейчас самое время начать нашу беседу. Вы не откажете мне в танце?

Имоджен удивленно заморгала глазами.

– Ах да… Конечно, сэр.

Кивнув Горации, Маттиас хотел взять Имоджен за руку. Он на какое-то мгновение опоздал, ибо девушка уже начала пробираться сквозь толпу. Он сумел догнать ее как раз в тот момент, когда они достигли заполненного людьми центра зала.

Имоджен повернулась к нему, положила руку на его плечо и энергично закружила в быстром вальсе.

– Уже началось. – Возбуждение светилось в ее глазах. – Я страшно обрадовалась, когда увидела вас здесь, сэр.

– Я лишь исполнял ваши инструкции.

– Да, понимаю, но должна признаться – я волновалась, не начнут ли вас снова одолевать сомнения.

– Я скорее надеялся на то, что у вас самой появятся какие-то сомнения, Имоджен.

– Ни в коем случае. – Она бросила несколько взглядов по сторонам и повела его в угол, где народу было поменьше. – Вы видели Вэннека?

– Он здесь. – Быть ведомым в танце было для него в новинку.

– Превосходно! – Рука Имоджен сжала пальцы Маттиаса. – В таком случае он уже заметил, что вы проявили ко мне интерес?

– Не только он один, но и все в зале. Они знают, что я не имею привычки появляться на подобных раутах.

– Тем лучше. Тетя Горация в этот момент нашептывает леди Блант сказочку о Великой печати королевы. Она сообщит ей, что дядя Селвин оставил карту мне… Слухи распространяются быстро. Я думаю, что до Вэннека они дойдут уже сегодня, от силы – завтра.

– Да, сплетни в свете распространяются мгновенно, – мрачно согласился Маттиас.

– Как только он узнает, что я владею ключом к печати королевы, он вспомнит, как вы ухватились за первую же возможность быть мне представленным. – Имоджен удовлетворенно улыбнулась. – Он сразу же задумается о причине. И сделает вывод, что причина может быть лишь одна.

– Печать королевы.

– Именно!

Маттиас внимательно посмотрел на нее.

– Но есть другая причина, почему я искал встречи с вами.

Она бросила на него непонимающий взгляд.

– Что же это за причина, милорд?

Наконец Имоджен поняла.

– О да, вы действительно намекнули об этом. Но никому и в голову не придет, что это возможно.

– Почему бы нет?

Она нахмурилась:

– Не надо притворяться тупицей, Колчестер. Никто не допускает, что вы всерьез заинтересуетесь мной как потенциальной женой. В обществе поймут ваш

интерес ко мне так, как мы хотим. Вы охотитесь за картой.

– Если вы так считаете. – Зная, что за ним наблюдают, Маттиас улыбнулся, чтобы скрыть раздражение. – Полагаю, нет никакой надежды отговорить вас от этого плана?

– Абсолютно никакой, милорд! Я весьма довольна тем, как пошли дела. Постарайтесь не волноваться. Я сделаю все, чтобы вас не подстерегла никакая опасность.

– Если нет никакой возможности отговорить вас от вашего плана, могу ли я уговорить, чтобы вы позволили мне вести вас?

– Прошу прощения?

– Я понимаю, что это банально и чисто условно, но меня учили, что, танцуя вальс, вести даму должен мужчина.

– О! – Щеки Имоджен слегка зарумянились. – Простите, милорд. Я брала уроки у учителя танцев три года назад. Он был француз. Французы очень сильны в этих вещах.

– Я слышал об этом. – Уголком глаза Маттиас в толпе заметил Вэннека, который с явным интересом наблюдал за Имоджен.

– Филипп сказал, что у меня природная предрасположенность вести в танце.

– Филипп?

– Филипп Д’Артуа, французский учитель танцев, – пояснила Имоджен.

– Ах, вот оно что… Учитель танцев.

Имоджен несколько смущенно опустила ресницы.

– Филипп говорил, что его приводит в восторг, когда дама ведет его.

– В самом деле?

Она незаметно прочистила горло.

– Он говорил, что это разогревает ему кровь в жилах… Знаете, французы ведь такие романтики…

– В самом деле.

Внезапно Маттиас ощутил острое желание узнать как можно больше об Имоджен. Нужно найти место, где они могли бы побеседовать спокойно, решил он. Вероятно, в саду.

Применив в полном смысле силу, он принудил ее остановиться.

– Вы не желаете глотнуть свежего воздуха, мисс Уотерстоун?

– Спасибо, но я не испытываю потребности в свежем воздухе.

– Чепуха. – Он крепко сжал ей локоть и повел к открытой двери, выходящей в сад. – Здесь слишком тепло.

– Если честно, я нисколько не перегрелась.

– Перегрелся я.

– Простите?

– Я полагаю, это оттого, что вы вели меня в танце. Ведь вы сами сказали, что при этом разогревается кровь в жилах.

– Ах, вот что! – Похоже, она наконец поняла. – Да, конечно, свежий воздух – это именно то, что вам требуется, сэр.

Маттиас вместе с Имоджен пробрался через толпу. Возле самых дверей он вынужден был резко взять влево, чтобы избежать столкновения с группкой

любопытствующих зевак.

Имоджен не ожидала этого и натолкнулась на официанта, который нес поднос с шампанским.

Официант вскрикнул. Поднос выскользнул из его рук и упал на пол. Раздался звон разбившихся бокалов, шампанское выплеснулось на платье дам, стоявших поблизости.

Среди этих дам, как успел заметить Маттиас, была Теодосия Слотт. Глаза ее округлились при виде Маттиаса, рот в ужасе приоткрылся. Она прижала руку к своей пышной груди.

– Колчестер… – Ахнув, она побледнела и грациозно упала в обморок.

– Черт бы тебя побрал, – пробормотал Маттиас.

Последовало замешательство. Мужчины растерялись. Они сконфуженно переводили взгляды с упавшей Теодосии на Маттиаса и обратно. Некоторые дамы очнулись от столбняка и полезли за нюхательной солью, то и дело бросая страшные взгляды на Колчестера.

– По размышлении, мисс Уотерстоун… – Маттиас замолчал, увидев, что Имоджен опустилась на колени и пытается помочь слуге собрать разбитые бокалы. Он энергично поднял ее на ноги. – Я полагаю, что время уезжать. Этот вечер становится невыносимо скучным. Давайте разыщем вашу тетю и прикажем подать карету.

– Но я только что приехала. – Имоджен оглянулась назад, подчинившись, однако, Маттиасу, который уводил ее от разбитых бокалов и упавшей женщины. – Кто эта странная леди? Мне показалось, что она упала в обморок, увидев вас, сэр.

– Моя репутация такова, что оказывает подобный эффект на некоторых людей.

Глава 5

Лакей уже собирался закрыть дверцу кареты, когда Маттиас заглянул внутрь.

– Я хотел бы поговорить с вами, – обратился он к Имоджен. Взгляд его был мрачен. – Очевидно, сегодня это невозможно. – Он бросил раздраженный взгляд через плечо на заполненную людьми парадную лестницу леди Блант. Некоторые гости прибывали, другие уезжали. – Я зайду к вам завтра в одиннадцать часов. Надеюсь, вы будете в это время дома.

Имоджен подняла брови, удивленная холодностью его тона, но убедила себя в том, что должна быть снисходительной. Этот вечер явился для него, по всей видимости, тяжким испытанием, хотя для нее все складывалось, как она считала, весьма удачно.

– Я буду ждать вашего визита, милорд.

Она ободряюще улыбнулась ему, желая поддержать, но в темноте ей не удалось рассмотреть выражения его глаз. В знак прощания Маттиас наклонил голову. При свете фонаря блеснула серебристая прядь волос.

– Желаю вам обеим хорошего вечера. – Он отступил на шаг. Лакей закрыл дверцу кареты.

Маттиас растворился в сгустившейся ночной темноте. Имоджен бросила взгляд на дверь парадного подъезда и увидела там Вэннека. На какое-то мгновение их глаза встретились, но затем карета тронулась, и Имоджен потеряла его из виду.

Она молча откинулась на подушки. Имоджен впервые видела Вэннека после похорон. Сказались три года невоздержанной жизни, и привлекательности в нем здорово поубавилось.

– Должна заметить, что с Колчестером не соскучишься. – Горация направила лорнет на Имоджен. – И то же самое можно сказать о тебе, дорогая. Боюсь, что это лишь начало.

По всей видимости, тетю не очень радовали перспективы. Имоджен заставила себя отвлечься от мыслей о Вэннеке.

– Кто та леди, которая упала в обморок при виде Колчестера? – спросила она.

– Он обладает необыкновенной способностью оказывать такое действие на некоторых женщин, не правда ли? Вначале была Бесс, теперь Теодосия Слотт.

– Реакция Бесс вполне понятна, если учесть обстоятельства. Она приняла его за привидение или вампира. Но почему Теодосия Слотт?

Горация посмотрела в окно на многолюдную улицу.

– Это старая история, как и все другие истории, имеющие отношение к Колчестеру. И я не берусь судить, что из этого правда и что вымысел.

– Расскажи мне то, что знаешь, тетя.

Горация бросила испытующий взгляд на племянницу.

– Я полагала, что ты не желаешь выслушивать сплетни о его светлости.

– Я подумала, что должна быть максимально информированной. Трудно правильно реагировать в той или иной ситуации, если не понимаешь, что происходит.

– Ясно! – Горация задумчиво откинулась назад. – Теодосия Слотт была красавицей сезона. Она заключила великолепный брачный контракт с мистером Гарольдом Слоттом. Его семья, насколько мне известно, занималась судоходным бизнесом. Помню, что мистер Слотт был уже в возрасте.

– Ну-ну, – нетерпеливо перебила Имоджен. – И что же дальше?

– Ничего из ряда вон выходящего. Теодосия выполнила свой долг и подарила мужу наследника. А потом у нее вдруг возникла связь с молодым щеголем по имени Джонатан Экселби.

– Ты хочешь сказать, что Теодосия и Экселби стали любовниками?

– Да. Экселби зачастил в пользующиеся недоброй славой игорные дома. Говорят, что больше всего он любил бывать в «Потерянной душе». Этот игорный дом был очень популярен среди молодых денди. Так или иначе, там он однажды столкнулся с Колчестером, и между ними произошла жестокая ссора. На утро была назначена дуэль.

– Колчестер дрался на дуэли? – удивилась Имоджен.

– В том-то и вопрос. – Горация неопределенно помахала рукой. – Это никто не может подтвердить. Дуэли запрещены. Обе стороны редко говорят об этом.

– Но ведь он мог быть убит!

– По всему похоже, что убит был Экселби.

– Не верю в это! – У Имоджен внезапно пересохло во рту.

Горация еле заметно пожала плечами.

– Насколько я знаю, Экселби никто после этого утра никогда не видел. Он исчез. Люди говорят, что он был убит и похоронен в неизвестном месте. Семьи у него не было, так что вопросы было задавать некому.

– У этой истории должно быть продолжение.

– Оно действительно имеется, – подтвердила Горация. – Теодосия утверждает, что с целью усугубить ее положение Колчестер появился у нее на пороге чуть позже в это же самое утро и потребовал ее расположения.

– Что?!

– Очевидно, Колчестер поведал ей, что ссора произошла из-за нее, а поскольку он выиграл дуэль, то он, естественно, хочет занять место Экселби в постели. Теодосия утверждает, что она вышвырнула его на улицу.

Несколько секунд Имоджен в смятении молчала. Когда ей удалось несколько прийти в себя, она протестующе воскликнула:

– Возмутительная ложь!

– Уверяю тебя, это была главная сплетня сезона. Я прекрасно помню, потому что этот скандал затмил даже кошмарную историю о Дьявольских близнецах замка Данстоун, о которых говорили весь год.

– Дьявольских близнецах? – заинтересовалась Имоджен, отвлекаясь от темы разговора.

– Да, брат и сестра, которые сговорились сжечь дом. Это случилось вскоре после начала сезона, – пояснила Горация. – Видимо, пожилой муж сестры находился в тот момент в постели. От него остался только пепел. Дьявольские близнецы, по слухам, скрылись, прихватив все драгоценности мужа.

– Их поймали?

– Нет… Они исчезли вместе с драгоценностями. Некоторое время были предположения, что они объявятся в Лондоне и попытаются соблазнить и убить еще какого-нибудь состоятельного старика, но этого не случилось… Должно быть, уехали на материк… Так или иначе, о близнецах перестали говорить после истории с Колчестером.

Имоджен нахмурилась.

– Колчестер никогда бы не попал в такую историю.

– Дело в том, что, поскольку он никогда не пытался ни подтвердить, ни отрицать ее, она остается в силе. И Теодосия играет на этом. Как видишь, она очень старается оживить ее.

Имоджен наморщила нос.

– Пожалуй… Она устроила великолепное представление сегодня вечером. Но это слишком смешно, чтобы быть правдой. Колчестер никогда не ввяжется в дуэль, тем более не убьет соперника, чтобы потом еще и соблазнить его любовницу.

– Ты не знала Колчестера тех дней, моя дорогая. – Горация помолчала. – Да, в общем, ты не знаешь его как следует и сегодня.

– Наоборот, я начинаю думать, что знакома с ним лучше, чем с кем-либо еще в городе.

– Почему ты так считаешь? – удивилась Горация.

– У нас очень много общего, – сказала Имоджен. – И уверяю тебя, что он слишком умен, чтобы позволить втянуть себя в какую-то дурацкую ссору из-за такой женщины, как Теодосия Слотт. Да у него нервы не выдержат такого напряжения! И уж никак не могу себе представить, чтобы Колчестер был завсегдатаем каких-то мерзких игорных домов.

– Не можешь представить?

– Естественно, нет, – подтвердила Имоджен. – Он человек тонкой организации и утонченного вкуса. Он просто не может искать развлечений в игорных домах!

– Дорогая, ведь Колчестер владел игорным домом, о котором шла речь.

В следующий раз Имоджен не уйдет так легко, дал себе слово Маттиас, выходя из кареты. Поднимаясь по лестнице своего городского дома, он был настроен весьма решительно. Он получит ответы на свои вопросы завтра же, когда нанесет ей визит. Он так или иначе намерен досконально выяснить, что все-таки произошло между Вэннеком и Имоджен три года назад. Пока что он склонялся к тому, что версия светского общества была не вполне точной. Как это обычно и бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Английский актер (1787–1833), игравший в старейшем лондонском театре на Друри-Лейн.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kvik_amanda/syurpriz

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить